This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

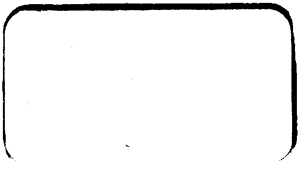
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

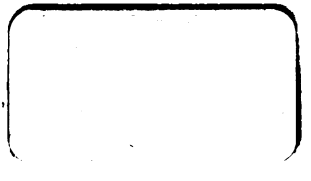
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 934,113

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS



PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS



THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1960.

ЧТЕНІЕ

ВЪ

БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

No II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1811 года.

NEW YORK PUBLIC LIBRARY

61-212676-646

8c5
8554
v.2
pt.2

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770991A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1936 L

печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. *Санктпетербургъ* 1811 *года Маія* 7 *дня.*

Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковской.

ОДА

ИСТИНА.

Источникъ всѣхъ началъ, зерно
Понятій, мыслей, чувствъ высокихъ,
Среда и корень тайнъ глубокихъ,
Отколь и кѣмъ все создано,
Числъ содержательница счета
Сосференнаго въ твердь сію,
О Истина! о голосъ свѣта!
Тебя безсмертная пою.

Тебя, — когда и червь занявъ
Лучи отъ солнца, въ тьмѣ блистаетъ;
Ко свѣту очи обращаетъ
Безъ словъ младенецъ лепетавъ: —
То я ль души моей пареньемъ
Не вознесуся въ твой чертогъ?
Я ль не воскликну съ дерзновеньемъ:
Есть вѣчна истина, — есть Богъ!

Есть Богъ! — я чувствую Его
Какъ въ существѣ моемъ духовномъ,
Такъ въ чудномъ мірѣ семъ огромномъ,
Быть не возмогшемъ безъ Него. —

PERL. JAN 21 1935

Есть Богъ! я сердцемъ осязаю,
Его присудствіе во мнѣ: —
Онъ въ истинѣ, я увѣряю,
Онъ совѣсть — внутрь, Онъ правда — внѣ.

Такъ, Истина сліясь изъ трехъ
Существъ, единства скрыта лономъ
Средь тѣлъ и душъ и въ духѣ оном,
Кто создалъ все, Кто держитъ всѣхъ.
Ея подобье въ солнцѣ зрится:
Оно и свѣтомъ и теплом
Живя всю тваръ, само нетмится,
Струя ихъ жизни, образъ въ Немъ.

Сильнѣе Истина всѣхъ силъ,
Рожденна Ею добродѣтель. —
Чрезъ духъ Свой, зрѣть Ее Содѣтель
Въ безмѣрности чудесъ открылъ;
Ее ни кто не обымаетъ,
Окромѣ Бога самаго, —
Полкъ тщетно Ангеловъ взлетаетъ
Прозрѣть кивотъ судебъ Его.

О Истина! прилучный свѣтъ
Сый, бывый, сущій и грядущій!
Прости, что прахъ едва ползущій
Смѣлъ о Тебѣ вѣщать свой бредъ;
Но Ты — коль солнцевъ всѣхъ лампада
Міровъ начало и конецъ,
Отъ корней звѣздъ, до корней ада
Объемлешь все, — всего Творецъ!

Творецъ всего, — и влилъ мнѣ духъ
Ты въ волѣ мудрой и въ желаньяхъ
И неба и земли въ познаньяхъ
Парящій совершенства въ кругъ;
Такъ можно лъ быть мнѣ въ томъ виновнымъ,
Что въ выспренность Твою лечу?
Блаженствомъ я Твоимъ верховнымъ, —
Тобой — насытиться хочу.

Тобой! — ты перло думъ моихъ,
Отца наслѣдье, сота слаще. —
Ахъ! скрытнѣй, — далѣй чѣмъ, тѣмъ вяще
Я алчу зрѣть красотъ Твоихъ,
Младенцамъ лишь однимъ не тайныхъ. —
Внемли жъ! — и мигъ хоть удостой
Мелькнуть сквозь тучь Тебя вкругъ зарьныхъ,
И отѣни мнѣ обликъ Твой.

Нѣтъ, буйство! — какъ дерзну взирать
На Бога, — облечѐнный въ бренья?
Томиться въ вѣкъ, — ждать наслажденья —
Есть смертныхъ участь — и вздыхать.
О нѣтъ! — и то уже высоко,
Непостижимаго любить!
Небесной истиною око
Умѣть земное пламенить!

Сліянный въ узелъ блескъ денницъ!
Божественная лучезарность!
Пространствъ совокупленна дальность!
Всѣхъ единица единицъ!

О правость воль неколебимыхъ!
О мѣра, вѣсъ, число всего!
О красота красотъ всезримыхъ!
О сердце сердца моего!
Душъ правило, умовъ законъ;
Свѣтило всѣхъ народовъ, вѣковъ!
Что бъ было съ родомъ человѣковъ,
Когдабъ Тебя не вѣдалъ онъ?
Когда бы совѣсти не знали
Всѣхъ неумытнаго Судьи,
Давно бъ звѣрями люди стали. —
Законы святы мнѣ Твои.

Пускай продерзкій мрака сынъ
Кощунствуетъ въ своей гордынѣ,
Что правда — слабостъ въ властелинѣ,
Что руль правленій — умъ одинъ,
Что златомъ тверды царствы, грады;
Но ахъ! сихъ правилъ тщетенъ блескъ:
Имперьи рушатся безъ правды...
Мы слышали Престоловъ трескъ.

О Истина, душевна жизнь!
Престолъ въ сердцахъ небесна Царства!
Когда духъ лжи, неправдъ, коварства
Не внявъ разсудка укоризнъ,
Къ добру препятствъ мнѣ вержетъ камень,
Ты гласомъ Божескимъ Твоимъ
Взжигай въ душѣ моей Твой пламень
И будь Свѣтильникомъ моимъ.

Ты жезлъ мой будь и вождь всегда,
Да только за Тобой стремлюся,
Твоимъ сіяньемъ предвожуся
Не совращаясь ни когда
Съ путей, Тобой мнѣ освѣщенныхъ;
Любя Тебя, — да всѣхъ люблю;
Но отъ совѣтовъ мнѣ внушенныхъ
Тобой — ни гдѣ не отступлю.

Да буду провозвѣстникъ, другъ,
Поборникъ Твой, вездѣ щитъ правды;
Всѣ міра прелести, награды
Да неизтлятъ во мнѣ Твой духъ;
Да оправдаю я невинность;
Да соблюду присягу, честь;
Да зла не скрою ковъ, безчинность
И обличу предъ всѣми лесть.

Да буду соподвижникъ твердъ
Всѣхъ добродѣтелей съ Тобою,
Ходя заповѣдей стезею
По правосудью милосердъ;
Да сущихъ посѣщу въ темницахъ,
Пить жаждущимъ, хлѣбъ гладнымъ дамъ,
Елей страдающимъ въ больницахъ
И отче лоно сиротамъ.

Да отвращу мой взоръ отъ тѣхъ,
Кто Твоего не любитъ свѣта,
Корысть и самолюбье мѣта
Единая чья дѣйствій всѣхъ;

Да отъ безвѣрныхъ удалюся,
Нейду съ лукавыми въ совѣтъ
И ко льстецамъ; — но прилѣплюся
Къ друзьямъ Твоимъ, Твой чтущимъ свѣтъ.

И Ты, о истина! мой Богъ!
Моей и вѣры упованье,
За все мое Тебя желанье,
За мой къ Тебѣ въ любви восторгъ,
Когда сей плоти совлекуся,
Хоть былъ бы чистъ, какъ блескъ огня,
Но какъ къ Тебѣ на судъ явлюся,
Не отвратися отъ меня.

Державинъ.

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ любимый, аромашный,
За чѣмъ такъ рано ты завялъ?
Гдѣ цвѣтъ твой яркій, духъ пріятный? —
Твой листъ и желтъ и блѣденъ сталъ!

Давноль изъ зимней ты темницы? —
Давноль изъ тягостныхъ оковъ?
За что должны мои теплицы
Могилу представлять цвѣтовъ?
Лишь солнце жизнь тебѣ послало, —
Алмазы, — пурпуръ, — аромать, —
Лишь прелесть твой открыла взглядъ;
Лишь я узрѣлъ красотъ начало;
Тебѣ со мною скучно стало
Ты сохнешь, и красѣ не радъ.

Не я ли каждый день съ зарею
Пунцовой бархать твой росою
Обогащалъ какъ жемчугомъ?
Не я ли твой досчатый домъ
Въ фарфоровый дворецъ богатый
Одной минутой обратилъ?
Не я ль тебѣ кристальны латы
Отъ непогоды подарилъ?
И видѣлъ, какъ дитя крылатый
На солнечныхъ спустясь лучахъ
Рядился въ твой уборъ богатый
И стрѣлы хоронилъ въ листахъ!

Цвѣтокъ любимый, ароматный,
За чѣмъ весною ты завялъ?
Гдѣ цвѣтъ твой яркій, духъ пріятный? —
Твой листъ и желтъ и блѣденъ сталъ. —

Не такъ ли ты цвѣтокъ мой вянешь,
Какъ вянетъ щастіе мое? . . . . .
Не потому ль, что нѣтъ ее? . . . . .
Ужели ты и не вспомянешь
Прелестный станъ, и взоръ драгой? —
Но гдѣ она? — Тутъ смерть съ косой! —
Гдѣ жъ край, гдѣ горы, море, бездны,
Гдѣ пропасти, гдѣ своды звѣздны,
Въ которыхъ быть, я могъ бы съ цей?
Напрасно духъ мой изступленный
Спремится за красою сей! —
Когда бы я по всей вселенной
На крыльяхъ молній облеталъ;
Когда бъ я воздухомъ вдругъ сталъ
И въ мигъ разнесся въ поднебесной; . . . .
Я бъ не нашелъ и тутъ прелестной!
. . . . . Тебя здѣсь нѣтъ, твой здѣсь лишь прахъ.
Какъ Солнце утромъ въ день весенній,
Или какъ кедръ младый зеленый
Ты величалася въ красахъ;
Теперь? — ты тлѣнъ — горсть сѣрой пыли!
. . . . . Тутъ и красы — и рѣчи были,
Улыбка, станъ, румянецъ твой!
О грусть! — и сердце сдѣлалось землей!

Возвей сей прахъ, о вѣтръ унылый
Онъ мертвъ, онъ хладенъ, ужасъ въ немъ!
— Иль оживись ты прахъ огнемъ,
Которымъ я къ тебѣ пылаю.
Что я? — напрасно изступаю.
Завянь цвѣтокъ, — завянь скорѣй,
Сравняйся съ участью моей. —
Иль нѣтъ! цвѣти, цвѣти, доколѣ
Ношу я бремя тяжкихъ лѣтъ. —
Мой другъ — доколь въ лѣсахъ и въ полѣ
Не порастетъ травой мой слѣдъ! —

Ф. Львовъ.

РУЧЕЙ.

Красавецъ рѣзвый, безпримѣрный,
Любовникъ сельской красоты,
Ручей! — долинъ товарищъ вѣрный,
Не кройся, не бѣги въ кусты,
О! какъ твой видъ меня плѣняетъ!

Краса Небесъ въ тебѣ сіяетъ!
Влюблялешь и бездушныхъ ты!
Утесисты скалы кремнисты
Не наглядятся на тебя,
Цвѣты румяные, душисты,
Твое сосѣдство полюбя,
Живутъ вокругъ тебя сѣмьями;
А ты алмазными струями,
Обогативъ цвѣтной народъ,

И разновидный сельскій родъ,
Бѣжишь самъ отъ своихъ щедротъ!
Красавецъ рѣзвый, безпримѣрный,
Любовникъ сельской красоты,
Ручей! — долинъ товарищъ вѣрный,
Не кройся, не бѣги въ кусты.

Но ты бѣжишь ручей жестокій!
Бѣжишь, не внемлешь ты рѣчей!
Чрезъ камни скачешь ты высоки,
Лишь сыплешь жемчуги съ кудрей.
Бѣжишь! — и грусть во мнѣ рождаешь;
Полетъ моихъ крылатыхъ дней
Ты быстротой напоминаешь,
Ручей! за тѣмъ ли я пришелъ?

Съ такой же быстротой прелестной
И я съ друзьями дни провелъ!
Съ такою же свободой лестной
Я жилъ, — и говорить умѣлъ!
А нынѣ, я въ разлукѣ съ ними!
О ручеекъ неутомимый! —
Пугаешь ты меня струей,
Бѣжитъ! и нѣтъ возврата ей!
И терема мнѣ всѣ постыли!
Они темница безъ друзей.
Я въ лѣсъ? — и стонъ моихъ рѣчей
Скрыпучи сосны повторили.
Твои красы меня плѣнили,
Пришелъ къ тебѣ? — и ты ручей,

И ты превожишь духъ унылый!....
Вездѣ несносно безъ друзей!

Но естьлибъ чудною Судьбою,
Ручей ты прекратилъ свой бѣгъ;
Чтобъ вышло изъ твоихъ утѣхъ?
Опутанъ острой осокою,
Ты бы въ темницѣ изсыхалъ;
Тебябъ и вѣтеръ всюды гналъ!
Сребристый твой народъ крылатый
Разсыпанный по берегамъ,
Достался бъ птицамъ да звѣрямъ! —
И гдѣ въ день жаркій взять прохлады,
Когда кристальны водопады
Въ твоихъ прозрачныхъ теремахъ,
Предъ Солнцемъ превратятся въ прахъ? ....
Прохожій жаромъ удрученный
Пришедъ къ тебѣ почти безъ силъ,
Вздохнетъ, — и въ путь пойдетъ унылъ!

Ахъ нѣтъ Ручей! — Ручей безцѣнный
Не становись, — нѣтъ, — Богъ съ тобой!
Бѣги, шуми, рѣзвись съ весной
Мое желанье безразсудно.
Мы часто, полны суетой
Хотимъ того, что вредно, трудно.

Когдажь любимые мои
По прежнему ко мнѣ слѣтятся,
Мои унылы, темны дни,
Тогда, какъ Солнцемъ освѣтятся!

Тогда, и ты Ручей драгой
Теки по тише какъ возможно,
И радости моей неложной
Не заглушай твоей волной.
Тогда взыграю я съ тобой
Какъ серна на горахъ дубровы;
Или какъ ты, когда весной
Разрушивъ зимнія оковы,
Течешь въ твои предѣлы новы,
Съ горы стремглавъ лѣтишь на лугъ,
Лѣтишь! и съ шумомъ камни роешь,
Сребристой пѣной путь свой кроешь,
Блестящій мечешь въ верьхъ жемчугъ.

Ф. Львовъ.

КРАТКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ

О

ГОРАЦІѢ.

Я переводилъ Горація съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы выдать книгу полезную для училищъ и вообще для упражняющихся въ Латинской словесности: читалъ же первую Сатиру въ Бесѣдѣ, убѣжденъ будучи къ тому почтенными Сочленами моими. Теперь издаю ее какъ образчикъ труда моего, съ подлинникомъ и примѣчаніями, приглашая Просвѣщенныхъ знатоковъ и любителей Латинскаго языка, показать мнѣ ошибки и недостатки мои. Ихъ наставленія я пріиму съ благодарностію; и прочія всѣ Сатиры, поочередно, такому же суду охотно подвергать буду, до тѣхъ поръ пока очистивъ ихъ отъ погрѣшностей и надеженъ на себя одобреніемъ безпристрастной критики, я издамъ полный трудъ мой достойнымъ цѣли которую себѣ предположилъ.

Муравьевъ-Апостолъ.

NB. Краткое разсужденіе о Горація написано мною только для Бесѣды: оно служило вступленіемъ къ чтенію Сатиры.

КРАТКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ О ГОРАЦІѢ.

Горацій, коего имя обыкновенно возбуждаетъ въ воображеніи нашемъ понятія о высочайшемъ степени совершенства въ лирической поэзіи, не только какъ соревнователь Пиндара, но и какъ философъ заслуживаетъ удивленіе наше и почтеніе. Въ немъ природа кажется хотѣла; какъ будтобы любуясь твореніемъ своимъ, показать явленіе самое рѣдкое: совокупленіе изьящности даровъ между собою противоположнѣйшихъ — воображенія и разсудка. Между тѣмъ какъ Горацій, съ лирою въ рукахъ восхищаетъ слушателя и вводитъ его за собою въ сонмъ Боговъ на Олимпѣ; — представляетъ добродѣтельнаго мужа непоколебимо стоящаго посреди разрушенія міровъ; а) — или увѣнчанный розами и плющемъ, плѣняетъ то веселымъ голосомъ Анакреонта, то сладкимъ пѣніемъ

а) Si fractus illabatur orbis
Impavidum ferient ruinæ. — Horat: Carm: Lib III. Ode 3.

на Ладу Лезвійской пѣвицы: въ Сатирахъ и посланіяхъ своихъ онъ является мудрецомъ глубокимъ, но кротким и всегда любезнымъ; играющимъ, какъ говоритъ о немъ Персій, около сердца человѣческаго; a) и который конечно, кромѣ Сократа, ни кому не уступаетъ пальму философіи.

Пріуготовленъ раннимъ испытаніемъ превратностей щастія, изученъ благонравію въ училищѣ злополучія, b) онъ правила свои составилъ на тонкомъ на-

---

a) Omne vafer vitium ridenti Flaccus amico
Tangit, et admissus circum præcordia ludit. —
Persii Satira I. v. 116.

b) Горацій 22 лѣтъ присталъ къ Бруту и Кассію; служилъ въ ихъ войскѣ Трибуномъ военнымъ; но по разбитіи оныхъ на поляхъ филипійскихъ, бѣжалъ и возвратясь въ Римъ долго принужденъ былъ искать пропитанія въ отправленіи должности Квесторскаго писаря. Такимъ образомъ, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ гонимъ судьбою, онъ не прежде испыталъ благопріятство щастія какъ на 30 году жизни своей, когда съ Меценатомъ познакомился.

блюденіи человѣка въ обществѣ, и презрѣвъ слѣдовать рабски за тѣмъ или другимъ изъ основателей философскихъ Сектъ, а) бралъ золото гдѣ находилъ его, и срывалъ цвѣты гдѣ бы ни встрѣчалъ ихъ, въ саду ли Эпикура или Академіи. Такимъ образомъ Сатиры его и посланія составили полный и прекраснѣйшій кругъ ученія нравственной философіи, тѣмъ болѣе плѣняющей насъ, что проповѣдникъ оной не есть отвратительный Циникъ, или угрюмый мудрецъ, скрывающій подъ грубымъ плащемъ слабости свои и спѣсь; но остроумный, тонкій, ловкій придворный человѣкъ, въ устахъ коего истинна становится любезнѣе и добродѣтель крашѣ.

Сколь ни различны между собою предметы размышленій Горація, сколько ни разнообразны краски имъ въ картинахъ его употребляемыя, мы однакоже нахо-

---

а) Ac ne forte roges, quo me duce, quo lare tuter.
Nullius addictus jurare in verba magistri,
Quo me cunque rapit tempestas, deferor hospes.
Hor. Ep: Lib: 1 Ep: 1 vers: 13.

димъ въ немъ главную, господствующую мысль, которая, хотя подъ разными видами, но всегда и вездѣ неизмѣнною представляется, не только въ философическихъ, но и въ лирическихъ твореніяхъ его. Мысль сія можетъ послужить опредѣленіемъ философіи его, и вотъ она: — „*Спокойствіе духа и независимость* „суть верховныя блага человѣка; *умѣ-* „*ренность* есть вернѣйшій способъ къ „достиженію оныхъ.“

Правилу сему Горацій во всю жизнь свою ни разу не измѣнилъ. Любимецъ Октавія, другъ Мецената, живущій посреди пышностей столицы — и какой столицы! — Рима; во времена Августовы, въ столицѣ столько же просвѣщенномъ, какъ и развратномъ, онъ по уму и вкусу только современникъ былъ вѣка своего, по умѣренности же и простотѣ нравовъ, достоинъ былъ бы жить вмѣстѣ съ Сципіонами и Камилломъ.

„Землицы уголокъ„ а) было все желаніе Горація: онъ получилъ его отъ

а) Hoc erat in votis. modus agri non ita magnus. Hor. Serm. Lib. II. Sat. 6.

друга и покровителя, и болѣе уже ни чего не искалъ. Часто удаляясь отъ шума городскаго онъ скрывался въ *Тибурскомъ* домикѣ своемъ, увѣковѣченномъ лирою его, но котораго теперь на землѣ и слѣда не осталось. Не менѣе того, просвѣщенный путешественникъ, посѣщая новѣйшій *Тиволи*, любитъ и поднесь скитаясь по горамъ *Сабинскимъ*, при каждомъ восхитительномъ мѣстоположеніи, мечтать, что можетъ быть тутъ стоялъ сельскій домикъ Поэта-Философа, можетъ быть тутъ, упоенный щастіемъ *независимости* и *спокойствія*, онъ писалъ къ другу своему Гросфу:

„Блаженъ, кто въ тихой, низкой долѣ,
„Богатъ умѣетъ малымъ быть;
„Стяжать себѣ не хочетъ болѣ,
„Какъ чѣмъ лишь скромно вѣкъ прожить.
„Хлѣбъ-соль простая, угощенье;
„Стола опряпна украшенье,
„Солонка дѣдовска одна:
„Но алчность почестей и власти,
„Ни жадность лихоимной страсти
„Не возмущаютъ легка сна.„ — а)

а) Horat. Carm. Lib. II. ode XVI.

Сіи-то пороки: *алчность къ почестямъ* и *жадность къ богатству* суть предметы первой сатиры, коей переводъ я осмѣливаюсь читать въ Бесѣдѣ. Не входя о ней теперь въ подробности, на кои я осудилъ себя какъ толкователь Горація, скажу только нѣчто о догадкахъ моихъ — по чему Горацій посвящаетъ Сатиру сію Меценату? — По тому ли только что онъ и первую оду ему же посвятилъ? — Посмотримъ.

Характеръ Мецената столько извѣстенъ въ Исторіи, что лишнее былобы и говорить о немъ; но здѣсь должно напомнить, что посреди господствующихъ въ Римѣ пороковъ, наперстникъ и другъ Октавія ознаменовалъ себя умѣренностію. Довольный состояніемъ своимъ, онъ не искалъ приращенія богатствъ и не хотѣлъ промѣнять свободу частнаго человѣка на всѣ почести коими охотно бы украсилъ его Августъ. — „*Умно живешь естьли умѣешь быть доволенъ участію своею!* — говоритъ Горацій Ари-

стіу а) и ни кто истинну сказанія сего лучше Мецената не оправдалъ. Я воображаю себѣ, что раздѣляя свободные часы съ Виргиліемъ, Варріемъ, Гораціемъ и прочими Музъ и его любимцами, ему случалось съ удовольствіемъ обращать рѣчь на самаго себя и говорить. — „Я бы могъ утроить дохо„ды мои; не выѣзжая изъ Рима управ„лять провинціями и накопить огром„ныя сокровища: — но къ чему лиш„нее богатство! — Я цѣню деньги толь„ко по наслажденіямъ которыя онѣ до„ставлять могутъ; и по мнѣ довольно „того что мнѣ осталось послѣ отца. „Также отъ меня бы зависило быть „Консуломъ и съ Государемъ раздѣлять „верховную власть въ Республикѣ: Но „я и того не захотѣлъ; ибо въ *широкой „пурпуровой коймѣ* b), я вижу только при„бавку заботъ и безпокойствъ. Въ Ры„царскомъ состояніи я родился, и въ

a) Lætus sorte tua vives sapienter Aristi; — Hor: Ep: Lib: 1. Ep: X. vers: 44.

b) Широкая пурпуровая койма, которою въ два ряда обшивалось платье верховныхъ чинов-

„немъ умру: люблю Октавія, пользуюсь „его довѣренностію — вотъ мои поче„сти; раздѣляя же съ нимъ попеченія о „правительствѣ, я не служу и свободы „не теряю; но угождаю другу, коего „честь и слава мнѣ драгоцѣннѣе всего „на свѣтѣ“ — Такой или подобный сему разговоръ, легко могъ удостовѣрить тонкаго, придворнаго человѣка, каковъ былъ Горацій, что похвала на счетъ умѣренности не противна будетъ покровителю его. — Другой бы сказалъ: — „Меценатъ ты прямо философъ! тебя „не прельщаютъ ни почести ни богат„ство“ — Горацій искуснѣе хвалитъ умѣетъ. Изслѣдывая загадку сердца человѣческаго, которое ни какимъ состояніемъ довольно быть не можетъ, онъ съ умысломъ проситъ разрѣшенія у того, который имянно ознаменовалъ себя умѣренностію въ желаніяхъ. — Вотъ мое заключеніе, и теперь приступаю къ переводу Сатиры, къ коему наперед

никовъ въ Римской республикѣ, называлась Laticlavium. — Angusticlavium, такая же койма поуже, принадлежала низшимъ чинамъ.

испрашиваю все снисхожденіе, какъ не къ совершенному труду и слабому, который я предпринялъ не изъ славолюбія, но для пользы сограждан моихъ упражняющихся въ Латинской словесности.

SATIRA I.

Qui fit, Mæcenas, ut nemo quam sibi sortem
Seu ratio dederit, seu fors objecerit, illâ
Contentus vivat, laudet diversa sequentes?
„O fortunati mercatores! „gravis armis
Miles ait, multo jam fractus membra labore.
Contra mercator, navim jactantibus austris,
„Militia est potior: quid enim? concurritur; horæ
„Momento cita mors venit, aut victoria læta".
Agricolam laudat juris legumque peritus,
Sub galli cantum consultor ubi ostia pulsat.
Ille datis vadibus qui rure extractus in urbem est,
Solos felices viventes clamat in urbe.
Cœtera de genere hoc, adeo sunt multa, loquacem
Delassare valent Fabium. Ne te morer, audi

САТИРА I.

Скажи мнѣ, Меценатъ, отъ чего нѣтъ ни однаго человѣка довольнаго участію своею? — Судьбою ли опредѣлена ему, или самъ избралъ ее, всякой завидуетъ чужой и жалуется на свою. — „Щастливы купцы“! говоритъ обремененный оружіемъ, во многихъ трудныхъ походахъ изувѣченный воинъ. А купецъ, когда бурею бросаетъ корабль его кричитъ „не лучшели воинская жизнь! и „впрямъ! сразятся? минута все рѣшитъ: „смерть, иль радостная побѣда.“ Стряпчій, когда до пѣтуховъ стучится у воротъ его челобитчикъ, завидуетъ сельскимъ жителямъ: поселянинъ же отъ хозяйства отвлеченный и находящійся по поручительству въ Римѣ, почитаетъ щастливыми однихъ только горожанъ. Сего рода людей такое множество, что и болтливый *Фабій* усталъ бы щипая ихъ. И такъ чтобы не наскучить тебѣ, вотъ вкратцѣ то къ чему я рѣчь клоню. — Когда бы нѣкій

Quò rem deducam. Si quis Deus" En ego", dicat,
„Jam faciam quod vultis: eris tu, qui modò miles,
„Mercator: tu, consultus modò, rusticus: hinc vos,
„Vos hinc, mutatis discedite partibus. Eja!
„Quid statis? „Nolint. Atqui licet esse beatis.
Quid causæ est meritò quin illis Iuppiter ambas
Iratus buccas inflet, neque se fore posthac
Tam facilem dicat votis ut præbeat aurem? —
Prætereo .... ne sic, ut qui jocularia, ridens
Percurram: quamquam ridentem dicere verum
Quid vetat? ut pueris olim dant crustula blandi
Doctores, elementa velint ut discere prima:
Sed tamen amoto quæramus seria ludo.
Ille gravem duro terram qui vertit aratro,
Perfidus hic caupo, miles, nautæque per omne

Богъ сказалъ имъ: „я желанія ваши ис-„полню; воинъ, будь купцомъ; а ты „спряпчій земледѣльцомъ; ты тѣмъ — „ты другимъ — идите и размѣняйтесь „вашими званіями ..... Ну что же вы „стали?“ — Нейдутъ! а отъ нихъ зависитъ быть щастливыми. Не въ правѣ ли былъ бы тогда прогнѣванный Юпитеръ надуть губы и обьявить имъ, что впредь не такъ-то легко станетъ онъ къ молитвамъ приклонять ухо ..... Однакожъ лучше промолчу. На счетъ сей шутить не ловко; хотя впрочемъ, что мѣшаетъ смѣючись, сказать правду? развѣ ласковые учители не заманиваютъ дѣтей пряниками азбукѣ учиться? — но теперь отложа шутки на сторону, поговоримъ о дѣлѣ.

Тотъ кто тяжелымъ плугомъ взворачиваетъ затвердѣлую землю; обманщикъ торгашь, воинъ, купецъ отважно моря преплывающій — всѣ говорятъ, что трудятся изъ того, чтобы запасясь чѣмъ жить, провести старость въ спокойствіи и безъ нужды. Такимъ образомъ: (у нихъ тотъ часъ и примѣръ

Audaces mare qui currunt, hâc mente laborem
Sese ferre, senes ut in otia tuta recedant,
Ajunt, quum sibi sint congesta cibaria: sicut
Parvula, (nam exemplo est) magni formica laboris
Ore trahit quodcunque potest, atque addit acervo
Quem struit, haud ignara ac non incauta futuri.
Quæ, simul inversum contristat Aquarius annum,
Non usquam prorepit, et illis utitur antè
Quæsitis sapiens: quum te neque fervidus æstus
Dimoveat lucro, neque hiems, ignis, mare, ferrum;
Nil obstet tibi, dum ne sit te ditior alter.
Quid juvat immensum te argenti pondus et auri
Furtim defossâ timidum deponere terrâ?
Quod si comminuas, vilem redigatur ad assem.
At, ni id fit, quid habet pulchri constructus acervus?

готовъ): муравей, малая тварь, но удивительная трудолюбіемъ, тащитъ ртомъ все что сможетъ, и складываетъ въ кучу, которую готовитъ предвидя время, когда запасъ пригодится. — Но муравьи какъ скоро водолей польетъ дождя и опечалитъ землю, ни куда не вылазятъ, благоразумно пользуясь тѣмъ, что во время запасли: а тебя ни лѣтній зной, ни морозъ, ни огонь, ни море, ни мечь отъ корысти не отвращаютъ, и ни что не воспретитъ тебѣ трудиться для того чтобы превзойти богатствомъ всѣхъ! Какая польза тебѣ въ огромной кучѣ золота и серебра, которую ты украдкою и съ трепетомъ зарываешь въ землю? — *Когда станешь брать изъ нее, то не останется и грошя* — Естьли же не для того, чтобы брать изъ нее, то что за прелесть въ накопленной громадѣ? Хотя бы у тебя на гумнѣ молотилось сто тысячь четвертей пшеницы, желудокъ твой не болѣе прійметъ моего: такъ естьлибъ ты въ числѣ рабовъ на пути, несъ корзину съ хлѣбомъ, ты не болѣе получалъ бы того, кото-

Millia frumenti tua triverit area centum;
Non tuus hoc capiet venter plus quam meus: ut, si
Reticulum panis venales inter onusto
Forte vehas humero, nihilo plus accipias quàm
Qui nil portârit. Vel dic, quid referat intra
Naturæ fines viventi, jugera centum, an
Mille aret?— *At suave est ex magno tollere acervo.*
Dum ex parvo nobis tantumdem haurire relinquas,
Cur tua plus laudes cumeris granaria nostris?
Ut, tibi si sit opus liquidi non amplius urnâ,
Vel cyatho, et dicas: Magno de flumine mallem,
Quàm ex hoc fonticulo tantumdem sumere. Eò fit
Plenior ut si quos delectet copia justo,
Cum ripâ simul avulsos ferat Aufidus acer.
At qui tantulo eget quanto est opus, is neque limo
Turbatam haurit aquam, neque vitam amittit in undis.

рый идетъ безъ ноши. И скажи: человѣку живущему въ предѣлахъ природою положенныхъ, не все ли равно пахать на тысячѣ или на стѣ десятинахъ земли? — „*А все таки пріятнѣе брать изъ большой кучи.*“ — Но лишь бы ты позволилъ мнѣ брать изъ малой, то я не знаю, по чему ты предпочитаешь житницы свои моему закрому? Естьлибы тебѣ понадобилось вѣдро или еще менѣе того, стаканъ воды, а ты бы сказалъ: я лучше почерпну изъ большой рѣки, чѣмъ изъ этого маленькаго ручейка: чтоже выйдетъ изъ того? алчущаго имѣть болѣе чѣмъ по справедливости потребно, свирѣпый Ауфидъ вмѣстѣ съ берегомъ снесетъ; а желающій удовлетворить одной нуждѣ, не черпаетъ илистой, мутной воды, и въ рѣкѣ не утонетъ.

Но большая часть людей, обманутая лакомствомъ къ богатству, безпрестанно твердитъ: „не льзя быть довольно богатымъ; всякому цѣна по деньгамъ его.“ — Что съ таковыми дѣлать? Оставить ихъ нещастными, когда произвольно терпятъ мученіе. Въ Аѳинахъ былъ

At bona pars hominum decepta cupidine falso,
Nil satis est, inquit; quia tanti, quantum habeas, sis.
Quid facias illi? jubeas miserum esse libenter
Quatenus id facit: ut quidam memoratur Athenis,
Sordidus ac dives, populi contemnere voces
Sic solitus: „Populus me sibilat; at mihi plaudo
„Ipse domi, simul ac nummos contemplor in arcâ.“
Tantalus a labris sitiens fugientia captat
Flumina .... Quid rides? mutato nomine de te
Fabula narratur: congestis undique saccis
Indormis inhians, et tamquam parcere sacris
Cogeris, aut pictis tamquam gaudere tabellis.
Nescis quo valeat nummus, quem præbeat usum?
Panis ematur, olus, vini sextarius: adde,
Queis humana sibi doleat natura negatis.

сказываютъ, нѣкто богатый скряга, который на ругательныя рѣчи народа, обыкновенно возражалъ: „народъ меня „освистываетъ; но я будучи дома, самъ „себѣ въ ладоши бью, какъ скоро увижу „деньги въ сундукѣ.“

Жаждущій Танталъ старается хлѣбнуть струи отъ устъ его утекающей ..... Чему же ты смѣешся? — перемѣни только имя: Баснь о тебѣ говорится. На мѣшкахъ всячески накопленныхъ, ты лежишь разиня жадный ротъ, хранишь ихъ какъ святыню, или любуешся ими какъ живописными картинами. — Знаешь ли на что надобны деньги? — на какое употребленіе? — на хлѣбъ, на овощи, на бутылку вина, и на прочія необходимости, въ коихъ человѣческой природѣ безъ оскорбленія отказать не можно. А не спать отъ страха, бояться воровъ, пожара, слугъ чтобъ обокравъ не сбѣжали — ужель, ето наслажденіе? — такому богатству я всегда предпочту бѣднѣйшую участь.

Но буде случится что лихорадка тебя схватитъ, или отъ другой какой болѣзни

*

An vigilare metu exanimem, noctesque diesque
Formidare malos fures, incendia, servos,
Ne te compilent fugientes, hoc juvat? horum
Semper ego optarim pauperrimus esse bonorum. —
At, si condoluit tentatum frigore corpus,
Aut alius casus lecto te affixit, habes qui
Assideat, fomenta paret, medicum roget, ut te
Suscitet, ac reddat natis carisque propinquis...—
Non uxor salvum te vult, non filius: omnes
Vicini oderunt, noti, pueri atque puellæ.
Miraris, quum tu argento post omnia ponas,
Si nemo præstet, quem non merearis, amorem?
An, si cognatos, nullo natura labore
Quos tibi dat, retinere velis, servareque amicos,
Infelix operam perdas, ut si quis asellum
In campo doceat parentem currere frænis.
Denique sit finis quærendi; quoque habeas plus,
Pauperiem metuas minus, et finire laborem

сляжешь; тогда надобно имѣть человѣка, которой бы захотѣлъ посидѣть надъ тобою, приготовлять припарки, спрашивать лѣкаря, чтобы онъ вылѣчилъ тебя и возвратилъ семейству и роднымъ .....

Ни жена твоя, ни сынъ не желаютъ твоего выздоровленія: сосѣди и знакомые, мальчишки и дѣвчонки, всѣ тебя ненавидятъ. Предпочитая деньги всему на свѣтѣ не удивляйся что тебѣ друзей нажить не возможно; и естьлибъ ты захотѣлъ удержать себѣ любовъ родственниковъ, коихъ тебѣ природа даровала, безъ всякихъ твоихъ заслугъ, трудъ твой будетъ столько же напрасенъ, какъ естьлибъ кто вздумалъ выѣзжать осленка на Марсовомъ полѣ и заставлять его повиноваться уздѣ.

Наконецъ, пора и копить перестать: чѣмъ ты болѣе имѣешь, тѣмъ менѣе долженъ опасаться бѣдности; и стяжавъ то, чего съ такою жадностію желалъ, время опочить отъ трудовъ. А то что бы не случилось съ тобою тоже, что съ нѣкоторымъ Уммидіемъ. Повѣсть не длинна — онъ былъ такъ

Incipias, parto quod avebas; ne facias quod
Ummidius quidam, non longa est fabula, dives
Ut metiretur nummos; ita sordidus, ut se
Non umquam servo melius vestiret; ad usque
Supremum tempus, ne se penuria victûs
Opprimeret, metuebat. At hunc liberta securi
Divisit medium, fortissa Tyndaridarum. —
Quid mi igitur suades? ut vivam Naevius? aut sic
Ut Nomentanus? — Pergis pugnantia secum Frontibus adversis componere. Non ego, avarum
Quum veto te fieri, vappam jubeo ac nebulonem.
Est inter Tanaim quiddam socerumque Viselli.
Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum.
Illuc, unde abii, redeo. Nemon'ut avarus
Se probet, at potiùs laudet diversa sequentes?

богатъ, что деньги мѣрилъ четвериками; и такъ скупъ, что одѣвался не лучше рабовъ своихъ; а все отъ того, что до послѣдней минуты жизни боялся чтобъ оскудѣвъ не умереть съ голоду: — отпущенница его, отважнѣйшая изъ Тиндаридъ, пополамъ раскроила его топоромъ.

Что же ты мнѣ совѣтуешь? такъ ли жить какъ Невій или какъ Номентанъ? — Ты бросаешся изъ одной крайности въ другую: запрещая тебѣ быть скупымъ, я не велю дѣлаться ни мотомъ, ни негодяемъ. Между *Танаисомъ* и тестемъ *Визеллія* есть то, что называется середка на половинѣ: всему есть мѣра и предѣлъ; въ переди которыхъ и позади добра не бываетъ.

Но возвратимся къ тому, съ чего начали: — не всякой ли, подобно скупому, ни чѣмъ насытиться не можетъ? Гнушается своею участью и выхваляетъ только чужую? чахнетъ отъ того, что у сосѣда коза даетъ болѣе молока? Не сравниваетъ себя съ большею толпою бѣдныхъ? и все того или другаго пре-

Quodque aliena capella gerat distentius uber,
Tabescat? neque se majori pauperiorum
Turbæ comparet? hunc atque hunc superare laboret?
Sic festinanti semper locupletior obstat:
Ut, quum carceribus missos rapit ungula currus,
Instat equis auriga suos vincentibus, illum
Præteritum temnens extremos inter euntem.
Inde fit ut rarò, qui se vixisse beatum
Dicat, et exacto contentus tempore vitæ
Cedat uti conviva satur, reperire queamus.
Jam satis est: neme, Crispini scrinia, lippum
Compilasse putes, verbum non ampliús addam.

взойти старается? — но въ сей реп-ивости всегда богатѣйшій препоною на встрѣчу. Подобно отъ ристалищной черты, когда колесницы въ бѣгъ устремляются, возница погоняетъ коней и презирая отставшихъ, переднихъ только обогнать желаетъ. — Отъ того-то рѣдко находится кто бы могъ сказать:— *я пожилъ щастливо*; и ктобъ при концѣ жизни оставилъ ее такъ какъ сытый гость встаетъ изъ-за стола ..... Но полно; ни слова болѣе: чтобы ты не подумалъ, что я сослѣпа обокралъ *Криспинов* тетрадникъ.

Примѣчанія на I Сатиру.

Satira — Сатира — на Латинскомъ языкѣ имѣетъ значеніе весьма схожее на то что по Французски называется: Pot-pouri — смѣсь всякой всячины. Въ такомъ смыслѣ и Ювеналъ опредѣляетъ ее, называя книгу свою Farrago, то есть, сѣмена разнаго хлѣба смѣшанныя вмѣстѣ:

Quidquid agunt homines, votum, timor ira, voluptas,
Gaudia, discursus, nostri est farrago libelli.
Stat: I. vers. 85.

„Все что ни бываетъ съ людьми, на„дежда ихъ и страхъ, любовь и нена„висть, веселья, безпокойства, *какъ смѣсь* „*разныхъ сѣмянъ* найдутся въ моей „книжкѣ.“

Названіе Сатиры происходитъ безъ всякаго сомнѣнія отъ слова Satur — сытый, насыщенный. Отъ него, блюдо наполненное разными плодами, приносимое на олтари Вакха и Кереры, называлось: Lanx satura. А въ переносномъ смыслѣ и родъ сочиненія въ коемъ всякая всячина могла находиться: — sa-

tura или satira, поелику буква *u* часто на Латинскомъ языкѣ измѣнялась на *i*, что мы видимъ въ правописаніи Цицерона, Саллустія и проч. которые кажется съ умысломъ сохраняли Археизмъ въ нѣкоторыхъ словахъ, на прим: Pessumus, optumus, maxumus, etc. вмѣсто Pessimus, optimus, maximus — или Purrhus, Sulla, Phruges вмѣсто Pyrrus, Sylla, Phryges. —

Ст: 2 Seu ratio dederit seu fors objecerit — *судьбою ли назначена ему или самъ избралъ ее.* — Родъ жизни нашей опредѣляется или выборомъ или случаемъ. — Разсудокъ избирая родъ жизни, намъ даетъ его — ratio dat. — Случай на удачу вынимая, какъ будто бросаетъ его къ намъ на встрѣчу — fors objicit. Читатель легко примѣтитъ что хотя я выразилъ мысль Горація, но не въ силахъ былъ сохранить красоту въ выборѣ словъ его. — Подлинникъ картина, переводъ мой рисунокъ: щастливъ, естьли хотя

въ рисункѣ буду вѣренъ! — по немъ кто ни будь удачливѣе меня и то выразитъ, что я только чувствовать умѣлъ. —

Стр: 4 Gravis armis — *обремененный оружіемъ*. Во всѣхъ изданіяхъ, кромѣ одного, gravis annis — лѣтами отягченный. Я слѣдую первому по двумъ причинамъ 1) Что отягченный лѣтами воинъ въ Августово царствованіе быть не могъ, ибо за 46 лѣтъ воина въ службѣ не держали — 2) Что намѣреніе Горація состоитъ въ томъ, что бы изобразить людей сѣтующихъ на участь свою въ однихъ только затруднительныхъ обстоятельствахъ; какъ на примѣръ купца, во время бури — сапожнаго, когда будятъ его до свѣта и пр. — которые, какъ скоро досада минетъ, и не думаютъ уже разставаться съ жребіемъ своимъ. — Я теперь спрашиваю: идетъ ли подъ стать къ таковымъ воинъ престарѣлый, при

концѣ жизни? и ему ли не помѣняться участію по предложенію Юпитера? Естьли сего мало, то посмотримъ что далѣе скажутъ всѣ сіи люди негодующіе на участь свою, когда Горацій спроситъ ихъ изъ чего вы такъ мучитесь? — изъ того, скажутъ они, чтобы подъ старость жить безъ нужды. — Тутъ былобы противурѣчіе въ смыслѣ, естьлибъ отягченный лѣтами воинъ думалъ еще заготовлять чѣмъ жить подъ старость, тогда, какъ онъ уже не только старъ, но и дряхлъ. Все сіе понудило меня принять armis вмѣсто annis, наипаче же когда вспомнилъ какою ношею обремененъ былъ Римской солдатъ. Кромѣ оружія, которое состояло изъ доспѣхъ, шлема, щита, мѣча, копья, дротиковъ, колчана и стрѣлъ; онъ несъ на себѣ, хлѣба на двѣ недѣли, а иногда на цѣлый мѣсяцъ; котелъ, вѣртѣлъ, пилу, топоръ, заступъ, цѣпь, ко-

су, веревку, корзйну и не рѣдко до 12 кольевъ.

Стр: 9 Juris legumque peritus въ *правахъ и законахъ искусный* — Я перевелъ *Стряпчимъ*; но прошу читателя не принимать его въ томъ смыслѣ, въ которомъ ввело его употребленіе на нашемъ языкѣ, а вспомнить то, что въ Римѣ защищать право Гражданина, была священнѣйшая обязанность Патриція къ Кліенту его.—Цицеронъ въ рѣчи за Мурену говоритъ: Vigilas tu de nocte ut consultoribus tuis respondeas. „Ты по ночамъ „не спишь, чтобъ отвѣчать про„сящимъ у тебя совѣта.“ Изъ новѣйшихъ Государствъ, въ одной Англіи Attorney — имѣетъ то достоинство, которое бы вездѣ должно было принадлежать человѣку посвятившему себя на защиту правъ Гражданина противу насильства и клеветы.

Стр: 11 Datis vatibus — *по поручительству* — Vades — поруки, обяза-

ны были, въ случаѣ неустойки того за кого ручались, въ срокъ являться сами за него въ судъ, для отвѣта по тяжбѣ или заплаты по долгамъ.

Стр: 14 Loquacem Fabium — *болтливый Фабій*, родомъ былъ изъ Нарбоны и написалъ множество книгъ о Стоической Философіи: — какъ же Горацію его не зацѣпить?

Стр: 18 Mutatis discedite partibus — Я перевелъ *поменяйтесь вашими званіями:* а должно бы *лицами*, ибо partes здѣсь значитъ *лице* (дѣйствующее) — Метафора взятая отъ театра; какъ будто бы Юпитеръ сказалъ: ступайте за кулисы и помѣняйтесь ролями: — но поелику у насъ *Лице* въ переносномъ смыслѣ не принято, то я избѣгая темноты и не употребилъ его.

Стр: 21 Ambas buccas inflet — отъ слова: *надуть объ щеки* значитъ то, что на нашемъ языкѣ: надуть губы, разсердиться. Естьли кто скажетъ что *надуть губы* не упот-

ребляется въ благородномъ слогѣ, я буду отвѣчать что и на Латинскомъ buccas iuflare также низкому слогу принадлежитъ; а долгъ переводчика выражать не только слова, но такъ сказать и голосъ, которымъ они выговорены въ подлинникѣ. Впрочемъ не надобно выпускать изъ глазъ что Горацій въ Сатирахъ не тотъ что въ одахъ; онъ самъ про себя говоритъ:

Primum ego me illorum, dederim quibus esse Pòétas
Excerpam numero: neque enim concludere versum
Dixeris esse satis; *neque si quis scribat, uti nos,*
Sermoni propiora, putes hunc esse pòétam. — Sat: IV. vers. 39.

„Во первыхъ, я себя не ставлю въ число тѣхъ, которыхъ признаю стихотворцами. Чтобы назвать кого поэтомъ не довольно „еще того чтобы онъ умѣлъ въ „мѣру стихи сплѣтать, *такіе какъ „мои, на примѣръ, которые всего бли-*

„*же подходятъ къ простой обыкно-*
„*венной рѣчи.*“

Стр: 23 Prætereo. — Я и въ семъ мѣстѣ не слѣдую большой части изданій Горація и вмѣсто нарѣчія: Prætereà, ставлю глаголъ Prætereo. Признаюсь что въ нарѣчіи я ни какого смысла не нахожу. Что значитъ *прочее*, о чемъ бы нельзя было въ шутку говорить?— Но замѣтимъ что Горацій здѣсь коснулся до Юпитера, надулъ ему губы — то и весьма къ стати *мимо пройти* — Prætereire — то есть: помолчать. Меценатъ и онъ конечно также судили о Юпитерѣ какъ мы теперь о немъ судимъ; не менѣе того благоразуміе требовало отъ писателя уваженія къ народнымъ мнѣніямъ.

Стр: 25 Ut pueris olim — сравненіе сіе придаетъ еще болѣе вѣса заключенію моему въ предидущемъ примѣчаніи; ибо шутъ, безо всякаго сомнѣнія, подражаніе Лукрецію, который точно въ томъ же смы-

слѣ какъ и Горацій употребляетъ слѣдующее сравненіе:

„Sed veluti pueris absinthia tetra medentes
„Cum dare conantur, prius oras, poculа circum
„Contingunt mellis dulci, flavoque liquore,
„Ut puerorum ætas improvida ludificetur
„Labrorum tenus.“ etc. Lib. I. Vers: 936.

„Такъ врачь желающій дать
„отроку горькую полынь, сперва
„орошаетъ сотомъ края чаши, да-
„бы обмануть неопытнаго—и пр.“

Стр: 29 Caupo—въ точномъ смыслѣ значитъ: харьчевникъ, особливо того роду, который слѣдуя за войскомъ поргуетъ съѣстными запасами — у насъ *маркитантъ*. —

Стр: 33 Sicut parvula formica — Кантимиръ въ Сат: 5 Стр: 675. такимъ образомъ подражаетъ:

„Малый въ лѣто муравей потѣетъ, томится,
„Зерно за зерномъ таща и наполнять пщится

„Свой амбаръ; когда же міръ унывать безплоденъ
„Мразами начнетъ, съ гнѣзда станетъ не исходенъ,
„Въ зиму наслаждаяся тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ.

У древнихъ муравей служилъ въ апологахъ и сравненіяхъ примѣромъ трудолюбія. Не говоря о Эзопѣ, отъ коего Лафонтенъ занялъ свою басню — la Cigale et la fourmie, столь всѣмъ извѣстную, я приведу здѣсь то что Соломонъ пишетъ въ притчахъ кн. VI. „Иди ко мравію, о лениве! и по„ревнуй видѣвъ пути его и буди „онаго мудрѣйшій. Онъ бо, не су„щу ему земледѣльцу, ниже ну„дящаго его имущій, ниже подъ „владыкою сый, гоповитъ въ жа„тву пищу и многое въ лѣто тво„ритъ угопованіе.“

Стр. 35 Non incauta futuri — Горацій имѣлъ можетъ быть въ виду прекрасный стихъ 4 кн. Энеиды, въ коемъ Виргилій называетъ мура-

вья „помнющимъ зиму„ — hyemis memores.

Стр: 36 Inversum contristat aquarius annum — вмѣсто: Inversâ urnâ aquarius contristat annum — Примѣръ таковыхъ Гипаллаговъ, часто встрѣчается въ Греческихъ и Латинскихъ Стихотворцахъ — Опрокинутая урна водолея, изъ коей польются дожди на землю и опечалятъ ее — представляетъ весьма живую картину. — Водолей, созвездіе изъ 30 звездъ состоящее, и знакъ Зодіака, въ который солнце вступаетъ въ Генварѣ мѣсяцѣ, когда въ южныхъ странахъ Европы бываютъ проливные дожди.

Стр: 43 Quod si comminuas etc. — Дилемма коею Горацій самъ себѣ возражаетъ. Сей родъ Силлогизма весьма часто встрѣчается въ философическихъ твореніяхъ его. — Обожатель Сократа, не удивительно что онъ изъ школы его занялъ Дилемму.

Ст: 45 Millia frumenti — centum — надобно подразумѣвать *Modiorum* frumenti. Modius — была мѣра хлѣбная, вѣсомъ 25 фунтовъ или полъ-четверика.

Ст: 47 Ut si Reticulum etc. — Древніе Римляне, пускаясь въ отдаленный путь, брали съ собою раба который несъ на себѣ корзину съ съѣстнымъ запасомъ — Reticulum, была корзина или кузовъ изъ лозъ сплетенный, въ которой клали хлѣбъ. — Прекраснѣйшее сравненіе скупаго съ рабомъ обремененнымъ чужими запасами! Можно и вообще сказать, что богатство брѣмя для того кто не умѣетъ имъ пользоваться.

Ст: 50 Intra naturae fines — Довольствоваться тѣмъ безъ чего обойтиться не льзя, называетъ Горацій жить въ предѣлахъ природою положенныхъ. Эпикуръ сказалъ: „Si ad naturam vives, nunquam eris pauper; si ad opinionem, nunquam dives“ Senec: Ep. XVI. „Естьли

„станешь жить какъ природа ве-
„литъ, никогда не будешь бѣденъ;
„естьли же въ угожденіе предраз-
„судкамъ, никогда не будешь бо-
„гатъ.“ — И въ самомъ дѣлѣ какъ
опредѣлить богатство, или бѣ-
дность? Гдѣ начинается богат-
ство, и гдѣ кончится бѣдность? —
Мы по однимъ отношеніямъ мо-
жемъ сказать: — Сей богатѣе,
тотъ бѣднѣе; но отнюдь не мо-
жемъ опредѣлить кто богатъ, и
кто бѣденъ. — Тутъ какъ въ ма-
тематикѣ, всякая величина произ-
вольно берется за единицу.

Jugerum — отъ слова Jugum, яремъ, произошло Juges, пара воловъ; а отъ сего Jugera, что означаетъ пространство поля, которое пара воловъ можетъ въ одинъ день вспахать. — Въ Малороссіи и поднесь народъ измѣряетъ пространство земли не десятинами, а *днями*, то есть: тѣмъ что плугъ можетъ въ одинъ день вспахать. Здѣсь должно за-

мѣшитъ что слова, лапинское Jugum и Руское *иго*, кажется имѣютъ общее произхожденіе.

Стр: 51 At suave est ex magno tollere acervo — Не противно думаю будетъ читателю видѣть здѣсь какъ мѣсту сему подражалъ старшій Поэтъ нашъ, ученый и остроумный Кантимиръ:

„Скупость, скупость Хрисиппа мучитъ не иное;
„И прячетъ онъ и копитъ денежныя тучи,
„Думая, что изъ большой пріятно брать кучи.
„Но естьли изъ малой я своей получаю,
„Сколько нужно, для чего большую, не знаю
„Предпочитаетъ? Тому подобенъ мнѣ мнится
„Хрисиппъ, кто за чашею одною тащится
„Воды на пространную рѣку, хотя можетъ
„Въ ручейкѣ чисту достать, что ему поможетъ

„Излишность, когда рѣка берегъ подъ ногами
„Подмывъ, съ пескомъ и его покроетъ струями.“

Сат: 3. Сп: 52—62.

Сп: 53 Cumeris — значитъ глиняной сосудъ, въ которомъ бѣдные держали свои запасы—я сказалъ *закромъ*, чтобы противоположить его житницѣ.—

Сп: 54 Urna vel Cyatho—мѣры для жидкостей — Урна, полъ-Амфоры — вмѣщала не много болѣе нашего вѣдра — Сіатъ, маленькая рюмка, 16 доля бутылки.

Сп: 58 Aufidus—Синекдохе—вмѣсто рѣки вообще—Aufidus въ Пулліи называется нынѣ Ofanto—на берегахъ его родился Горацій.

Js neque etc.—Не только что не утонетъ въ рѣкѣ да и мутной воды не напьется. Прекрасное Иносказаніе! Человѣкъ довольствующійся немногимъ, проведетъ жизнь спокойно, и не прекратитъ

ее преждевремянно мученіемъ страстей.

Стр: 62 Tantum quantum habeas sis—Хотя въ томъ нѣтъ сомнѣнія что деньги все дѣлали и дѣлаютъ на свѣтѣ, какъ въ Гораціевы времяна такъ и въ наши; что по его же словамъ кто богатъ, тотъ и знатенъ, и уменъ и пригожъ:

„Scilicet uxorem cum dote, fidemque et amicos,
„Et genus et formam, regina pecunia donat:
„Ac bene nummatum decorat Suadela Venusque."
Epist. Lib. I et VI. vers. 36.

„Царица-деньга, всемъ наградитъ:
„и богатою невѣстою и друзьями,
„уваженіемъ и породою и пригоже-
„ствомъ. — Укого кошелекъ тугъ,
„тотъ и милъ и уменъ."

Однакоже я полагаю что—„Всякому цѣна по деньгамъ его„ — Здѣсь не въ томъ смыслѣ сказано, въ коемъ Горацій же говоритъ:—„ Ocives, cives, quaerenda „pecunia primum est: Virtus post

„nummos!„—Epist. Lib. 1.—Ep. 1. Vers: 53. „О! Граждане! о добро-„дѣтеляхъ не заботьтеся; денегъ „доставайте!“ — Здѣсь скупый возражаетъ на доводы его; и употребляетъ къ ихъ опроверженію разсужденіе самое основательное для Римскаго Гражданина:—„Что „же бы значилъ я, безъ денегъ?— говоритъ онъ.—„Развѣ не по ихъ „количеству я щитаюсь въ томъ „или другомъ сословіи, и могу „быть избранъ въ Квесторы, Эди-„лы, и даже въ Консулы?—Вотъ по моему мнѣнію настоящій смыслъ: Tantum quantum habeas sis.—Граждане въ Римской Республикѣ раздѣлены были на классы по мѣрѣ ихъ доходовъ. Слѣдственно дабы сдѣлаться способнымъ войти въ сословіе, изъ коего выбирались Чиновники, надобно было стяжать достаточное къ тому достояніе. Подъ симъ то предлогомъ, который впрочемъ быть можетъ и похваленъ, скупый здѣсь

старается оправдать свое лихоимство.

Ст: 64 Ut quidam etc. — Вѣроятно что подъ симъ *нѣкоторымъ въ Римахъ*, Горацій подразумѣваетъ какого нибудь извѣстнаго скрягу въ Римѣ, котораго не хочетъ назвать по имяни.

Ст: 69 Quid rides? — Быстрый и шутливый поворотъ. — Горацій начинаетъ расказывать извѣстную басню о Тантале: скупый, полагая что послѣднимъ своимъ разсужденіемъ привелъ его въ такое замѣшательство, что ему уже болѣе ничего не оставалось какъ прибѣгнуть къ баснямъ и небылицамъ, — засмѣялся: а Сатирикъ тутъ и подхватываетъ его чтобы выставить на позорищѣ всю гнусность скупости, въ самомъ смѣшномъ и истинномъ ея видѣ.

Ст: 70 Undique — отъ всюду; всякими способами, позволительными и не дозволенными. — Ничего не можетъ быть живѣе сей карпины.

Живописцу желающему написать скупаго, непремѣнно должно со вниманіемъ мѣсто сіе прочитать.

Стр: 74 Sextarius — шестая доля *Конгія* (Congius)—вмѣщаетъ 12 Сіаповъ; то что небольшая бутылка.

Стр: 80 At si condoluit etc. — Скупый все еще думаетъ вывернуться. „Съ деньгами, говоритъ онъ, я надѣюсь что въ болѣзняхъ и страданіяхъ меня не покинутъ.“ По его мнѣнію деньгами все можно пріобрѣсть, старанія, услуги и даже *друга*.—Со всѣмъ противное тому что говоритъ Эпикуръ: „non ut „habeam qui mihi aegro assideat, „sed ut habeam aliquem cui ipse „aegro assideam.“

„Не для того ищу друга себѣ, „чтобы онъ надомною больнымъ „сидѣлъ; но чтобъ мнѣ за нимъ „ходить въ болѣзняхъ его.“

Мы должны признаться, что есть ли перещеголяли древнихъ въ нѣжности чувствъ любовныхъ, за

то далеко отстали отъ нихъ въ дружествѣ, о коемъ мы почти и понятія того не имѣемъ что оно было у нихъ. Дабы въ истиннѣ сей удостовѣриться стоитъ прочитать Цицерона о дружбѣ.

Стр: 88 Nullo natura labore — я понять не могу по чему мѣсто сіе привело въ затрудненіе многихъ толкователей.— Дасье между прочими, на отрѣзъ говоритъ: Si l'on entend ce vers „Nullo natura labo„re — comme le vieux Commenta„teur *Nullo tuo labore* „que la nature te donne, sans que tu prennes le moindre soin — Cela ne fait aucun sens et n'est pas même latin..... весьма скоро рѣшено; только я не знаю почему оно не имѣетъ смысла, и по чему не по Латинѣ?— Мыслъ напротивъ того, философская и очень во вкусѣ Горація. Въ самомъ дѣлѣ по какимъ заслугамъ или трудамъ пріобрѣтаемъ мы родственниковъ?— Природа намъ даруетъ ихъ; привычка насъ вза-

имно другъ къ другу прилепляетъ; а заставляемъ мы себя любить неиначе какъ заслуживъ любовь ихъ. Вся наука быть любимымъ заключается въ четырехъ словахъ Эпикура: „si vis amari, ama.“—„Коль „хочешъ быть любимъ—люби.“ А понеже скупый кромѣ денегъ ничего не любитъ, слѣдственно и его ни кто не полюбитъ.

Стр: 91 In campo—подразумѣвается Martio. Такимъ образомъ Urbs просто, значитъ — Римъ.

Стр: 95 Ummidius — вѣроятно что приключеніе сіе не вымышлено Гораціемъ, но въ подлинну случилось въ его время.

Стр: 96 Ut metiretur nummos — подразумѣвается modio — и у насъ говорится „четвериками мѣритъ деньги“—про того который такъ богатъ, что не достало бы времяни считать ихъ.

Стр: 100 Fortissima Tindaridarum — Клитемнестра и Елена, дочери Царя Тиндара; обѣ умертвили мужей

своихъ, первая Агаменмнона, вторая Деіфоба, и орудіе обѣихъ было — топоръ — По сему ли обстоятельству Горацій въ шутку называетъ отпущенницу Уммидіеву Тиндаридою, или потому что она подлинно такъ называлась, теперь рѣшить не возможно.

Стр: 101 Ut vivam — *Невій* и *Номентанъ*: первый былъ извѣстный скупецъ въ Римѣ, а послѣдній мотъ. Настоящее имя послѣдняго *Кассій*, ибо *Номентанъ* есть прозвище по городу Nomentum. — Скупый изтощивъ весь запасъ доводовъ своихъ, бросается изъ одной крайности въ другую: что весьма часто случается съ людьми которымъ уже не чего болѣе сказать въ оправданіе свое.

Стр: 104 Vappam ac Nebulonem — въ смыслѣ метафорическомъ значитъ людей разпутной жизни: въ настоящемъ же: — Vappa окислое, испорченное вино; Nebulo отъ

Nebula — густой туманъ — Послѣднее слово конечно потому составилось, что развратные люди ищутъ темноты и мрака, дабы скрыть свои постыдные поступки.

Стр: 105 Est inter Tanaim — *Танаисъ* былъ Эвнухъ отпущенникъ Мецената, а безимянной тесть *Вителлія*, страдалъ болѣзнію, которая бы въ нынѣшнемъ Европейскомъ нарядѣ, еще примѣтнее была чѣмъ иногда подъ широкою тогою: читатель легко отгадать можетъ *середку на половинѣ*, между *недостатковъ* Танаиса и *избытковъ* Визелліева тестя.

Стр: 107 Quos ultra citraque etc. — И въ самомъ дѣлѣ добродѣтели и пороки можно уподобить тремъ путямъ, паралельно и въ плоть другъ къ другу лежащимъ: средній путь добродѣтели; оба крайніи, противоположныхъ пороковъ. Напримѣръ: когда по краямъ, съ одной стороны скупость,

съ другой разпочитительностъ; или съ одной трусостъ, а съ другой дерзостъ: — то по срединѣ, умѣренность и мужество; и такъ далѣе. Слѣдственно кто средину оставитъ и пойдетъ на право или на лѣво, тотъ безъ сомнѣнія съ пути истинны собьется. Нашъ Кантимиръ сему мѣсту подражаетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Всяко однакожъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ,
„Кто прейдетъ, кто не дойдетъ, подобно шалѣетъ.“
Сат. VI стр. 129.

Стр. 108 Illuc unde abii — Горацій возвращается къ вопросу, которымъ началъ Сатиру и чрезъ краткое повтореніе доказываетъ, что ненасытимость желаній есть причина той душевной болѣзни, отъ которой человѣкъ почти всегда бываетъ недоволенъ своимъ состояніемъ.

Стр: 108 Nemon'ut avarus — Всѣхъ людей вообще, повинующихся не разсудку а страсіпямъ, первый порокъ есть ненасытимость въ желаніяхъ; и ни въ комъ она столько не примѣтна какъ въ скупомъ. Вотъ настоящая связь которая соединяетъ вступленіе Сатиры съ продолженіемъ оной, и которую должно замѣтить. — Горацій начавъ съ того *что всѣ люди недовольны своимъ состояніемъ*, обращается потомъ къ одному скупому, такъ что вся цѣль Сатиры, съ перваго взгляда, кажется противу скупости. Нѣтъ; она вообще противу ненасытимости страстей, противу зависти, сего безпокойствія душевнаго, отъ котораго, по народной нашей пословицѣ и *ломоть хлѣба въ чужой рукѣ кажется больше.* Предѣлы Сатиры не дозволяли автору входить въ подробности и оттѣнки по разнымъ измѣненіямъ

страстей, и онъ избралъ скупаго· какъ картину, въ которой противу всѣхъ прочихъ, живѣе изображается *ненасытимость*. И въ самомъ дѣлѣ, въ комъ виднѣе она какъ не въ скупомъ, котораго цѣлая жизнь безпрерывная забота и мученіе? „Который: Immoritur studiis et amore senescit habendi„ *Сѣдѣетъ и умираетъ на толѣ чтобы болѣе накопить.*

Стр: 114 Ut cum carceribus etc.—Сравненіе прекраснѣйшее и высокаго слога, которое Горацій съ умысломъ на концѣ употребилъ чтобы придать живости картинѣ.

Стр: 118 Vita cedat uti conviva satur — Сравненіе занятое отъ Лукреція (кн. III. стр. 951 и 970).

„Cur non ut plenus, vitæ conviva recedis?.....
„Sed quia semper aves quod abest, præsentia temnis,
„Imperfecta tibi elapsa est ingrata que vita,

„Et nec opinanti mors ad caput adstitit antè
„Quàm satur, ac plenus possis discedere rerum.

„Для чего не оставляешь жизнь
„какъ сытый гость встаетъ изъ-
„за стола? — По тому что без-
„престанно гоняясь за тѣмъ че-
„го нѣтъ, и презирая то что
„имѣешь, жизнь твоя протe-
„каетъ безотрадно и безпро-
„чно и внезапно смерть сто-
„итъ надъ головою твоею пре-
„жде, нежели ты успѣлъ насы-
„титься наслажденіями жизни.“

Стр: 120 Me lippum—во всѣхъ почти изданіяхъ Crispini lippi — я въ переводѣ моемъ держался *Бентлея*, и не знаю почему другіе толкователи находятъ, что неблагопристойно Горацію называть себя моргослѣпымъ, тогда какъ онъ подлинно былъ таковъ. Напротивъ того я нахожу что неблагопристойно было бы ему издѣваться надъ Криспиновыми

больными глазами, будучи самъ одержимъ подобнымъ недугомъ. Августъ находясь единожды за столомъ между Виргиліемъ и Гораціемъ сказалъ: „Я сижу между вздохами и слезами.“ — На щетъ перваго, который часто страдалъ отъ судороги въ желудкѣ, а втораго по причинѣ гнойныхъ глазъ его. Вотъ доказательство что на щетъ сей шутили — Естьли же сего мало то разкроемъ 5 Сатиру 1 книги, и мы въ ней найдемъ что Горацій и самъ шутилъ надъ своей болѣзнію —

„Hic oculis ego nigra meis collyria *Lippus*
„Illinere.“ —
„Dormitum ego Virgiliusque
„Namque pila *Lippis* inimicum et ludere crudis.“

„Тутъ я наперъ больныя гла-
„за мои черною мазью.“ — „Мы
„съ Виргиліемъ спать пошли;
„потому что играть въ мячь,

„больнымъ глазами и желуд-
„комъ, не годится.“ — Нѣко-
торые полагаютъ, что Lippus
здѣсь въ Метафорическомъ смы-
слѣ и значитъ *душевную слѣпоту*:
но мнѣ кажется, что надобно
и самому худо видѣть, чтобы
толковать такимъ образомъ Го-
рація.

Scrinium — Porte-feuille. —
Отъ Греческаго *Sgronion* — зна-
читъ ящичекъ за замкомъ, въ
которомъ хранились бумаги. Отъ
сего происходятъ названія Чи-
новниковъ при Римскихъ Импе-
раторахъ. Magister scrinij epis-
tolarum — Секретарь при пись-
махъ — Magister scrinij libello-
rum—Докладчикъ. Magister scri-
nij Memoriæ — Секретарь при
дневныхъ запискахъ — Magister
scrinij dispositionum—Секретарь
которому поручены повелѣнія —
и Magister scriniorum — Главный
Секретарь, начальникъ надъ всѣ-
ми.—Слово *Скрина*, вошедшее къ

намъ конечно отъ Грековъ, и поднесь въ употребленіе на Малороссійскомъ діалектѣ, на которомъ оно значитъ сундукъ.

Crispinus — *Криспинъ* сей былъ Поэтъ нещастно-плодородный, который, естьли вѣрить Схоліастамъ, описалъ въ стихахъ Стоическую Философію.

ОРАТОРІЯ

ЦѢЛЕНІЕ САУЛА *).

Саулъ, Сіона Царь, сынъ Кисовъ, волю Бога
Взгордясь презрѣлъ, тѣмъ власть его уничижилъ.
Господь средь гнѣва яра строга,
Блестящее лице съ Саула отвратилъ,
И рекъ: „поди злой духъ, круши его.“
Глаголомъ симъ возтрепетали бездны,
Со огненна одра покоя своего
Сквозь пропасти подземны
Возстала злая мѣсть и идетъ на Саула. —
Пукъ люпыхъ стрѣлъ на ней за плѣчьми среди пула
Вися гремитъ, какъ громъ вдали, — и передъ ней
Отверзлись ржавыя со скрыпомъ ада двери,
Изъ коихъ зависти и злобы блѣдны дщери:
Боязнь, и грусть, и скорбь, и скука, и тоска,
Змѣистыхъ клочья власъ вкругъ ней, какъ облака,
Пустивъ на вѣтръ, летятъ въ призракахъ черных роемъ:
Тѣ съ скрежетомъ зубовъ, тѣ съ хохотомъ, тѣ съ воемъ,
Какъ враны, волки какъ на трупъ съ лѣсовъ, степей

*) Подражаніе Бровну.

Стадами гладными на казнь бѣгутъ цареву.
Средь крику ихъ и реву
Унынье дикое, безмолвно, тяжело,
Густой подобно мглѣ на грудь, на очи, на чело,
На духъ преступника, на сердце налегло,
Огнемъ всю внутренность, тоской смертельно жгло;
И ночь и день Его терзая угнетало,
Мечтами ужасало.
Почувствовалъ почулъ
Еговы гнѣвъ Саулъ. —

Веселья отъ него повсюду удалились
И утучняющій спорхнулъ отъ вежделей сонъ,
По ссохшимся щекамъ потоки слезъ катились.
И былъ какъ тѣнь, какъ оставъ онъ.
Въ размученномъ такомъ, тревожномъ состояньи
Друзья во кругъ Его во плачѣ, во стенаньи
Вѣщаютъ, что пастухъ, по имени Давыдъ,
Болѣзни тяжкія бряцаньемъ струнъ цѣлитъ;
Что арфы громкія и тихозвучны тоны
Волшебствомъ нѣкакимъ обворожаютъ слухъ,
Покоятъ, веселятъ, лелѣютъ, нѣжатъ духъ
И прогоняютъ грусть, задумчивость и стоны,
И словомъ: мочной что гармоньи сладка власть
Удобна изцѣлять болѣзнь и всяку страсть.
Поспѣшно повелѣлъ звать сына Іессея.
Пѣвецъ пришелъ и хоръ съ нимъ предъ него. —

И зря, что на одрѣ Царь взоромъ пламенея
Лежитъ и день клянетъ рожденья своего,
Со звучностію струнъ касаясь чуть ушесъ
Двугласну тихо пѣснь вознесъ.

* * *

О Боже! поспѣши
Сердечный внять мой гласъ,
Скорбь Царску утиши,
Отри потоки съ глазъ
И просвѣти твое лице
На блещущемъ Его вѣнцѣ.
Виждь, стрѣлы судія
Твои Его разятъ,
Какъ лютая змія
Ліютъ во сердце ядъ.
О Боже! поспѣши
Скорбь Царску утиши.

* * *

Внимаетъ пѣснь Монархъ; но сила звуковъ, словъ
Такъ отъ него скользитъ, какъ лучь отъ холма льдяна;
Снѣдаетъ грусть Его, мысль чорная, печальна.
Пѣвецъ то зритъ — и взявъ другихъ строй голосовъ,
Поетъ ужъ хоромъ всемъ; но сонно, полутонно. —
Смятенье шарпара, душѣ смятенной сходно:

* * *

На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тьмѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ надъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣздился.
Огнь, земля и вода и весь воздухъ въ борбѣ
Межъ собой внутрь и внѣ безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они ощущали въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались;
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ
Какъ катясь, какъ врашясь даль и близь оглушали,
Бездны безднъ, хляби хлябъ колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество ужасъ мракъ представляли.

* * *

Подъ томной пѣснью сей Царя тягчайшій сонъ
Давилъ, что больше мертвъ, чѣмъ живъ казался онъ. —
Былъ сходенъ хаосу въ сонъ вѣчный погруженну,
Въ себѣ самомъ смятенну. —
Но гласъ взгремѣлъ:
Стихіевъ бездны раздѣлились;
Огнь съ воздухомъ на высоту взлетѣлъ
Земля съ водою внизъ спустились:

Бысть свѣтъ!
Чертежъ въ умѣ Творца предвѣчно изложенный
Напечатлелся всей природы на росткахъ, —
На скрытыхъ сѣменахъ.
Всѣхъ думъ Его отсвѣтъ
Опять слова образъ взявъ, сталъ видъ одушевленный,
И въ родѣ всяка тварь своемъ,
Къ чему назначенна, явилась точно тѣмъ.
Какъ искра опять кремня и стали возпрянувъ,
Такъ солнце излилось изъ мрака возблеснувъ.

Прекрасное свѣтило!
Грядетъ среди небесъ
Величіе открыло
Тьмы Божескихъ чудесъ.
Въ слѣды его смотря
Румянится заря,
Въ безмолвномъ утра мракѣ
Сілетъ Оріонъ;
Но звѣздъ Царя при зракѣ
Блѣднѣетъ, меркнетъ онъ.
На Сѣверѣ въ полнощи льетъ
Свой Арктусъ яркій свѣтъ.

И ты, о милая лампада,
Луна! (такъ воспѣвалъ пастухъ):
Средь звѣздъ вдали блестяща стада
Свой тихо совершаешь кругъ.
Сумрачны тучи удивились

Задумчивой красѣ твоей,
Когда края ихъ посребрились
Отъ свѣтлости твоихъ лучей,
И ты Царицей нощи стала
Оскорбая день, — блистала.

Такъ тьмы планетъ въ молчаньи пушь
Проходятъ свой благоговѣйно
Спремяще неопложный трудъ
Къ мѣтѣ всеобщей стройно, вѣрно.
О коль сей дивенъ тихогромъ!
И льетъ гармонію какую!
Какъ свѣтлыхъ серафимовъ сонмъ
Крылами пѣснь на немъ святую
Порхавъ, по сферамъ издаютъ,
Созвучно всѣ Творца поютъ.
Воскликни хоръ, воскликни вдругъ,
И ты Творца съ тьмой звѣздъ согласно
Пой съ Серафимы велегласно;
И ты Его творенье рукъ.
Веселой трепетной душой
Хвалу Его любовью пой!

Въ безчувствіи глухомъ лежащаго владыку
Проникнулъ сладкій шумъ сего священна лику.
Оцѣпенелый взоръ вкругъ дико водитъ онъ
И чудесамъ небесъ дивится мыслей полнъ.
Но ново пѣніе возстало,
И вновь Царя слухъ обуяло:
Онъ слышитъ, Океанъ возставъ съ челъ звѣздъ
потекъ

Шумяще въ свой предѣлъ, во глубины безмѣрны;
Возникли горъ хребты мгновенно изъ средь бездны
И межъ себя пути отверзли бѣгу рѣкъ;
А тамъ нагнувшися скалы круты, кремнисты
Низвергнули съ себя журчащій чистый ключь,
Который, какъ жемчугъ пересыпаясь чистый,
Катитъ по муравѣ потокъ свой въ понтъ зыбучь.

* * *

Виждь, пестрѣетъ стадомъ холмъ,
Агицы по лугамъ резвятся,
Тонкимъ скрытыхъ облачкомъ
Пѣсни жавронковъ гласятся;
А какъ солнца лучь багряный
Загорится средь ручья,
Отдаются рощи дальны
Свистомъ громкимъ соловья.
Съ неба Ангели низходятъ
Пѣсни Ангельски поя,
И блаженство ихъ низходитъ
Въ тѣни злачныя Рая.
Миръ ликуетъ и спокойство
Подъ смоковницей сидя,
Цвѣтъ вдругъ, запахъ и довольство
Къ ихъ желаніямъ ведя,
Непорочность и веселья
Рука объ руку идутъ;
Тамъ не знаютъ лицемѣрья,

А всѣ въ радости живутъ.
Будь чета благословенна
Вѣкъ невинностью спряженна,
Ублажайся щастьемъ вновь
Чистая сердецъ любовь.

* * *

Хоръ смолкъ. — Монархъ челомъ своимъ съ одра склонился
И благовѣнья полнъ во помыслахъ молился
Толикихъ множества Создателю чудесъ. —
Но злобы духъ въ немъ вновь воскресъ,
И чернымъ жегъ огнемъ Его съ сугубой силой
Царь бьетъ себя во грудь и вопіетъ душей унылой:
„По что веселье и покой
„И въ хижинахъ живутъ, а домъ забыли мой!“

* * *

Быстрые гласы текиме,
Духа печальна будиме,
Коль непочувствуетъ самъ
Грѣхъ что Его есть тиранъ.

* * *

Стени и жалуйся, о арфа! скорбнымъ тономъ
Стени и наполняй весь свѣтъ Его урономъ. —
Несешся слышу вопль, и стонъ, и плачь, и вой.
Какое зрѣлище я вижу предъ собой!
Увы! напрасны суть твои ужъ слезъ потоки
Преступная чета, ты пала въ грѣхъ жестокій.
Съ невинностью твоей веселость протекла,

Смерть косу на тебя ярясь занесла
И херувима мечъ огнемъ вокругъ сверкаетъ,
Отчаянье въ очахъ вездѣ тебя пужаетъ;
Возненавиженна сама собою ставъ,
Куды сокроешся себя собой терзавъ?
Нещастная чета! оставленная Богомъ,
Въ лѣсахъ ли будешь жить, съ звѣрми подъ
листьевъ кровомъ;
Но ты жалка, твое плачевно состоянье!
Подвиглись небеса, всѣ Ангелы въ рыданье;
Долъ плачетъ, плачетъ холмъ, гулъ вкругъ
твердитъ: увы!
О коль нещастливы сердца порочны вы!

* * *

Быстрые гласы текипе,
Души прѣступны разипе,
Правдъ не познаютъ коль сихъ,
Что грѣхъ мучитель есть ихъ.

* * *

Кичливу грудь Царя и страхъ и стыдъ бун-
туютъ,
Въ надмѣнномъ гнѣвъ лицѣ и злость изобразу-
ютъ,
Кровавы, выпуклы глаза его свирѣпо зрятъ.
Но юноша хоть то и примѣчаетъ,
Безъ робости играетъ,
Ланиты правдою горятъ,
И смотритъ такъ на злость тирана онъ спо-
койно,

Какъ добродѣтели смотрѣть на злобу сродно;
Подъ взоромъ блещущимъ въ слѣдъ скачущимъ
перстамъ
По арфѣ огнь бѣжитъ сверкая по струнамъ,
И возбуждаючи высоки, страшны тоны
Грѣхъ въ бѣдспівіи поетъ, и казнь его и стоны.

* * *

Громы въ громы ударяютъ,
Гулъ за гулами реветъ,
Смерть и ужасы летаютъ,
Молнія вселенну зжетъ;
Бездны разверзаютъ зевы,
Богъ преступниковъ казнитъ.
Князь и Царь рабы Царевы, —
Кто отъ Бога убѣжитъ?
Родъ Іаковль! веси, грады
Брось и кущи ты свои,
Ты умрешь, — и нѣтъ пощады
За злодѣйспівія твои.
Ты умрешь, — и я ужъ внемлю
Шумъ вокругъ небесныхъ стрѣлъ;
Трупы смрадны кроютъ землю
И Солима пустъ предѣлъ.

* * *

Внемли! — Се крикъ и вопль изъ бездны выни-
каетъ,
Се слабо до ушей доходитъ онъ моихъ,
Се тише отъ часу, все тише, — изчезаетъ,
И вотъ уже со всемъ затихъ.
Погибли навсегда хулители Господни,

Землей поглощены, низверглись въ преисподни,
Пропалъ ихъ слѣдъ
И слуху нѣтъ.
Но ахъ! возмогутъ ли мои плачевны струны
Тѣ живо описать и молньи и перуны,
Какія праведный опредѣлилъ судья
Въ казнь вѣчную злодѣямъ. — Увы! ужъ вижу я:
Грядетъ, грядетъ свирѣпо мщенье
Вкругъ въ бурю, въ мракъ облечено. —
Низвергнуло скалы трясенье;
Понтъ, Небо въ кровь превращено. —
Миръ дрогнетъ, вѣетъ знамя гнѣва.
Возстань хлябь водъ, возстань!
Гласъ рекъ: — и изъ твоихъ безднъ чрева
Потопа съ неба шумнымъ грянь
И погреби въ волнахъ вселенну
Нечестьемъ, злобой осквернену. —
Пусть знаетъ свѣтъ мой правый судъ,
Изъ сна грѣховъ себя возбудитъ. —
Возстань! — да воды не придутъ
Въ свой паки одръ почить покойно;
Но да стремятся всюды грозно,
Поколь заклепов не прорвутъ
Сквозь горъ камнистыхъ не пройдутъ
И суша океанъ не будетъ.

* * *

Съ гласу Господня
Въ мигъ преисподня
И звѣздна хлябь водъ

На землю течётъ. —
Море волнами,
Небо дождями
Шумитъ и реветъ,
Міръ топитъ и жретъ.

* * *

Богъ правъ — и судъ Его — есть правда,
И праха сынъ всегда зрѣть слабъ ея лучи.
Ненависть съ завистью покрыла ярыхъ волнъ громада;
Тамъ сластолюбіе, тамъ роскошь мракъ пьючи,
Съ развратомъ съ люотостью погрязли бездны въ стремленьѣ,
И тщетно о своемъ мнятъ смертные спасеньѣ.

* * *

Скалъ прорванъ сводъ,
Всталъ къ небу понтъ,
Нѣтъ больше въ спорѣ
Съ брегами волнъ,
На морѣ море
Кидаетъ чолнъ
По всей вселенной
Опустошенной.

* * *

Но гласы пламѣнея
Возвысятся Пѣвцовъ
Воскликни хоръ живѣя
Спокойныхъ пастуховъ,
Чтобъ огненныя стрѣлы

Струнъ ихъ и пѣсней вдругъ
Пронзали онѣмелы
Цареву грудь и духъ
И онъ бы правды самъ сознавъ зритель
Позналъ, что грѣхъ его мучитель.

* * *

Межъ тѣмъ, какъ пѣлъ Давыдъ такъ пѣснь восторга полнъ,
И сильный арфы гласъ чертожны двигалъ стѣны,
Саулъ въ отчаяньи пуская дикій стонъ
Зубами скрежеталъ, терзалъ власы смятенны
И рдѣлъ въ жару какъ уголь, и мерзъ въ хладу какъ ледъ;
По блѣдному лицу катился градомъ потъ
И съ пѣною изъ устъ клубилася желчь черна,
Въ неистовствѣ его схвативъ рука кинжалъ
Взнеся на грудь свою; но бывъ остановленна
Отъ сущихъ близъ его, вдругъ острый сей металлъ
Повергла на Давыда. — Давыдъ отстороннлся,
И дѣйствующій зря
Страхъ Божій на Царя,
И чтобъ спасенъ былъ самъ, восторгомъ оживился,
И сталъ пріятно съ струнъ, какъ вѣперокъ, дышать,
По малу духъ Царя къ спокойству пріучать;
Но тщетнымъ зря и то, что скорбь хотя тѣлесну
И рану облегчить возможно намъ извѣстну;

Но слабы всѣ бальзамы суть
Цѣлить и уполять душевную въ насъ грусть,
Сердечны скрыты раны,
Терзающія тайны.
Придижъ раскаянье, онъ рекъ: скорѣй съ небесъ,
О ты! что тусклый взоръ возводишь къ милосердью
И полно чувствъ живыхъ судебъ колеблешь твердью,
Приди къ святынѣ вождь, въ лицѣ печали, слезъ,
И милость приведи Творца со умиленьемъ,
Чтобъ сердце Царское предъ Нимъ съ благоговѣньемъ
Содѣлалось тобой способнымъ къ чувству благъ
И отъ негобъ ушли унынie и страхъ.
Раскаянье приходитъ,
Внемли его Монархъ;
Оно покой приводитъ
И сладость во слезахъ;
Печаль имъ радостью бываетъ,
Коль все желанье обитаетъ
И мысль твоя на небесахъ:
Оно къ блаженству первый шагъ.
И се раскаянье прогнало уже ярость. —
Царь смотритъ на кинжалъ, являя трепетъ, жалость
И тихій на Пѣвцовъ кидаетъ съ вздохомъ взглядъ.
Зѣницы пламенно вращаясь не горятъ,

Въ которыхъ передъ симъ отчаянность грозила,
Небесная печаль грусть ада заступила.

* * *

О! какъ милость есть любезна,
Всѣхъ она славнѣй доброть,
Плачетъ Царь, и струйка слезна
По ланитѣ его льетъ.
Ее Ангелъ принимаетъ
Непустя упасть во тьму;
Милосердью посвящаетъ, —
Жертвъ пріятнѣй всѣхъ ему.

* * *

Еще, еще, — но ихъ! болѣзнь приходитъ снова,
Біенье сердца, грусть видна въ очахъ Царя сурова.
Возвысьте пастыри вашъ выспреннѣе гласъ,
Покудова недугъ въ немъ въ корнѣ непогасъ,
Поколь обильный токъ съ очей не устремился
И мукъ съ души его яремъ не низложился.

* * *

Всемогущій! пріими
Вздохъ раскаянья Царева,
Искушеніе изми
И надежду среди гнѣва
Брось ему твоимъ лучомъ,
Чтобъ онъ сердца сокрушенье
Слезъ изливъ тебѣ дождемъ
Зрѣлъ въ тебѣ свое цѣленье.

* * *

Спустись теперь въ юдоль съ холмовъ парящій хоръ,
И къ пѣнью вышнему не напрягайтесь струны,
Тріумфъ явили свой Гармоніи перуны.
Монархъ ихъ чувствуетъ, его свѣтлѣетъ взоръ.
Ланиты блѣдныя румяняться зарею —
Блаженъ! ужъ отъ него бѣжитъ унынье прочь;
Не мучится уже онъ совѣстью своею,
Раскаянной душѣ спѣшитъ самъ Богъ помочь,
И черна скорьбъ къ нему ужъ вспять не возвратится. —
Пѣснь ваша, пастыри, ему да усладится,
И арфы тихія пріятный сердцу звукъ
Надеждою небесъ его да тѣшатъ духъ,
Забавы сельскія невинность и свобода,
Да обольстятъ его, вашъ пѣніемъ предѣлъ,
Чтобъ гордость позабылъ, чтобъ нравилась свобода
И онъ богатству бы спокойство предпочелъ.

* * *

Поля, лѣса, пустыни дики
Сквозь дебръ журчащія ручьи,
Пастушьи громки слышьте клики
Поюща свѣтлы дни свои.

Межъ скалъ отъ рѣзвыхъ спадъ брыканья
Хохочетъ эхо вкругъ его,
И онъ священна полкъ вниманья
То зритъ, — другой незритъ чего.

Подъ тихія вечерни сѣни
Идетъ къ нему покой съ небесъ,
Любовь, невинность въ восхищеній
Въ цвѣтахъ сидятъ съ нимъ межъ
——— древесъ.
Во кругъ чела его довольна
Звѣздъ зрится блескъ, льетъ риза
свѣтъ
Покрова, пальмъ своихъ достойна,
Шалашъ его спокойство чтетъ.
Да въ вѣкъ, о Ангелъ! ощущаетъ
Твою бѣседу грудь моя;
Спѣсь, зависть при дворахъ блистаетъ;
Пастушья хижина твоя.

* * *

Тише, о пѣсни! теперъ вы звучите
Скорбному духу дремоту внушите;
Лей на него свой аромать сонъ вкругъ,
Сладко спокойство лелей его духъ.

* * *

Слетайте на него, о воины небесны!
Стрегущи Божій градъ,—и маніемъ своимъ Его
Владѣющія сномъ; чѣмъ бы мечты прелестны,
Грядуща времяни являете того,
Гдѣ приготовлена душамъ благимъ награда,
А злобнымъ кажете грозящи страхи ада,
Слетите, и его восхитя духъ съ собой,
Представя передъ нимъ небесной садъ златой,
Къ превыспренности той взнесите свѣтлой
звѣздной,

Гдѣ о безсмертномъ лишь звучитъ безсмертный
хоръ;
Гдѣ, кромѣ радости, ничто несуществуетъ,
И новой вѣчностью жизнь вѣчно торжествуетъ.

* * *

Арфъ своихъ тономъ
Божественнымъ звономъ
Стрясите съ него
Скорьбъ люту его;
Плачъ будетъ въ радость
Стонъ его въ сладость.

* * *

И се уже Его гармонія живитъ.
Потомъ блаженныхъ слезъ кропитъ отрадный
видъ,
Бѣжитъ унынье прочь, проходитъ безпокойство,
Согласье новое, яви твое устройство,
Греми струнъ новый громъ
Созвучно съ голосами,
Подвигни небесами
Кличь радость въ Царскій домъ.
Какая сильна мощь томитъ души волненье?
Какая возбуждать въней можетъ бурну страсть?
Твое, гармонія, волшебное велѣнье
И надъ природой всей твоя чудесна власть.
Ты дщерь небесъ!
Вселенной зримой сей съ тѣхъ поръ извѣстна
спала,

Какъ съ трона вѣчнаго премудрость глась сниз-
слала,
Который міръ вознесъ.
Явилась ты, — и твердь усѣялась звѣздами,
По звуку твоему потекъ сей красный, свѣт-
лый строй!
Полкъ Ангельскъ поразясь согласіемъ его, красой,
Великъ, воспѣлъ, великъ Творецъ нашъ чудесами!
И въ изумленіи съ тѣхъ поръ съ высотъ глядитъ
На сей лучистый сонмъ въ его зарясь токѣ
И совокупно съ нимъ гласитъ
Пѣснь первую звѣзды возникшей на востокѣ,
Котору Сферы всѣ и вблизь и вдаль твердятъ
Едиными усты: Осанна! Святъ, святъ, святъ!

Г. Державинъ.

ПИСЬМО
О ПОЛЬЗѢ КРИТИКИ.

Дерзая славы въ храмъ, о вы, Пѣвцы надмѣнны!
Не льстящиеся узрѣть Парнасса верьхъ священный,
Доколь васъ Критика лучемъ не озаритъ
И дара дерзостна совѣтомъ не смиритъ.
Внимала Критикѣ священна Музамъ древность;
Между Поэтами она раждаетъ ревность,
Чтобъ въ подвигахъ своихъ другъ друга превзойти
И вѣрные открыть въ храмъ Аонидъ пути;
Охоту къ знаніямъ въ народѣ умножаетъ
И вкуса тонкаго предѣлъ разпространяетъ.

Не должно Критики Поэту избѣгать:
Кто Музой вдохновенъ родъ смертныхъ просвѣщать,
Тотъ безпристрастный судъ нелицемѣрно любитъ;
Онъ въ сердцѣ у него жаръ ревности сугубитъ,
Онъ отъ нелѣпости и сухости блюдетъ
И средь небесъ Пѣвца являетъ намъ полетъ.

Въ щастливыхъ тѣхъ странахъ, гдѣ Музы обитали,
Гдѣ камни и древа гласъ звучныхъ лиръ внимали,

Коль вопросить дерзнемъ безсмертныхъ мы Пѣвцовъ,
Вѣнчанныхъ славою безчисленныхъ вѣковъ,
Всѣ громко скажутъ намъ Омиры и Мароны:
Охотно слушали мы Критики законы;
Внимали, проходя опасною спезей,
Мы врановъ дикій крикъ, шипѣнье люпыхъ змѣй.
Средь трудныхъ подвиговъ не возмогли Зоилы
Въ насъ ревность погасить, ослабить наши силы;
Мы Пинда божествамъ давъ на себя обѣтъ,
Признали Критику за чистый Феба свѣтъ
И сердце было въ насъ ему служить готово.
Любя отечество, почтенныхъ предковъ слово,
Богатство мы чрезъ прудъ несмѣнно обрѣли;
Плѣнясь обиліемъ, всѣ жители земли
Корысти для себя въ немъ черпаютъ всечасно,
Но изчерпать его стараются напрасно.
Сокровище сіе не истощится вѣкъ,
Доколѣ сохранитъ даръ слова человѣкъ.

Настало щастливо Россійскимъ Музамъ время
Сложить безпечности съ рамень поносно бремя.
Пора сокровищей своихъ намъ цѣну знать;
Пора во славѣ ихъ вселенной показать;
Пора, языкъ любя и непорочны нравы,
Предбудущимъ Пѣвцамъ опредѣлить уставы.
На Пиндѣ нашемъ есть довольно шѣхъ орловъ,
Что возпекли туда, предѣлы гдѣ міровъ,
Гдѣ зрѣть они могли неробкими очами

Огнистый Океанъ съ горящими волнами;
Громады пламенной блистаніе лучей
Не опаляло лицъ, не тмило ихъ очей.
Разсмотримъ ихъ пруды, мочь собственну изъ-
мѣримъ
И Критикѣ себя безтрепетно мы ввѣримъ.

Прямая Критика, представя даръ Пѣвцовъ,
Покажетъ, гдѣ они заснули межъ цвѣтовъ.
Я Критику сію хвалою почитаю
И Критики другой въ словесности незнаю.
Я относилъ всегда къ счастливой то судьбѣ,
Коль голосъ Критики гдѣ слышалъ о себѣ.

Когда погрѣшности разборъ въ Пѣвцахъ яв-
ляетъ,
Текущихъ на Парнассъ въ пути оберегаетъ;
А естьли къ языку свой обращаетъ свѣтъ,
Обиліе ему и красоты даетъ;
Откроетъ ревностно его величья свойство,
Созвучность громкую, богатство, благород-
ство;
Для рѣчи правила постановляетъ онъ,
Неизмѣняемый для языка законъ.
Какъ Весты чистый огнь, какъ лучь обильный
свѣтомъ,
Да будетъ онъ хранимъ рачительно Поэтомъ.

Депрео предписалъ писателямъ въ урокъ,
Что долженъ быть языкъ чистъ, правиленъ,
высокъ.

Пари Поэтъ, слѣпи сіяньемъ наши вѣжды
И вымыслъ облекай ты истины въ одежды;
Но правила блюди и свойство языка,
Коль хочешъ, чтобъ была пѣснь сладостна, громка;
Языкъ священныхъ Музъ, богамъ прилично слово:
Съ богами говорить не должно безтолково.

Пропустить Критика, безсмертныхъ чтя Пѣвцовъ,
Ошибки иногда за красоту стиховъ.
Она излишніе предлоги и союзы
(Чѣмъ никогда себя не отягчаютъ Музы)
На судъ буквальнику изсохшему даетъ,
Который точки такъ, какъ яхонты, блюдетъ.

Мы слова нашего любуемся красою,
Мы тщимся увѣнчать отечество хвалою,
Всечасно говоримъ: на Сѣверѣ у насъ
Художества цвѣтутъ, возвысился Парнассъ;
Мы проповѣдуемъ, что честь на Пиндѣ Россовъ,
Свѣтило Лириковъ, безсмертный Ломоносовъ!
Но мало сей хвалы. Наборомъ ли рѣчей
Прилично похвалять божественныхъ мужей?
Высокій сей Поэтъ, лишь Пиндару совмѣстный,
По имени одномъ сообщникамъ извѣстный,
Кѣмъ свѣту былъ открытъ? Какой питомецъ Музъ
Для насъ проникъ его духъ, разумъ, чувство, вкусъ?

Кто принялъ трудъ, его всѣ красоты изчислишь?
О Ломоносовѣ кто могъ достойно мыслишь?
Кто лирой, восхитясь соземца своего,
Въ полетѣ сравнивалъ Пиндара и его?
Кто Флакка славнаго, гремяща въ поздни лѣпы
Сличалъ, какъ судія, съ Пѣвцомъ Елисаветы?
Кто ясно доказалъ, что Галлъ Руссо Баптистъ,
Столь звуками богатъ, величествень и чистъ,
Но Ломоносову въ картинахъ уступаетъ?
Воображеніе, что сильно оживляетъ
Безсмертна Одами Россійскаго Творца,
Не столько пламенно у Южнаго Пѣвца,
Который, иногда забывъ о Геликонѣ,
Витіеватну мысль толкуетъ на Амвонѣ;
Или холодну рѣчь избыткомъ краситъ словъ
И, лиру брося, жезлъ пріемлетъ мудрецовъ.

Прямая Критика себѣ вмѣняетъ въ радость
Открыть высоку мысль, пріятну звуковъ сладость.
Такъ смертный, вшедъ на холмъ ближайшихъ къ небу горъ,
На прелесть естества свободный мещетъ взоръ;
Любуется ручьемъ, который окропляетъ
Долины злачныя и жажду утоляетъ.
Подобно Критика, какъ судія даровъ,
Любуется смотря на подвиги Пѣвцовъ;
Но вкуса, разума внимая строгой власти,
Состава цѣлаго всѣ разбираетъ части;
Глядитъ, исправно ли стремится къ цѣли ходъ,

Не нарушается ль Пѣвцомъ избранный родъ
И всель въ твореньи такъ искусно учрежденно,
Что слогомъ можетъ быть пріятнымъ облеченно,
Что можетъ красоты различны совмѣстить,
Насытить мысли, слухъ и сердце преклонить.

Коль въ цѣломъ и частяхъ все разуму покорно,
Она возводитъ взоръ на зданье стихотворно;
Огнь примѣчаетъ чувствъ, взираетъ на полетъ,
Гласитъ, что долженъ пѣть, не говоритъ Поетъ.
Искусство въ томъ его, чтобъ живо передъ нами
Являть высоку мысль высокими словами.

О вымыселъ! Поетъ тобою на крылахъ
Летаетъ дерзостно въ невидимыхъ мірахъ.
Тучегонителя ты сопвориль Зевеса,
На Грековъ раздражилъ могуща Ахиллеса,
Энея, жертву бурь, чрезъ множество препонъ
Привелъ, спася отъ бѣдъ, Дидоны передъ тронъ;
Ты зиму показалъ Виссономъ облеченну,
Снѣгами, мразами, мятелми ополченну;
Явилъ ты, какъ несутъ Парнасскія сестры
Порфирородному предъ колыбель дары,
Какъ къ Зороастру взоръ Фелица свой возноситъ,
Науки царственной для блага Россовъ проситъ.

Богатый звуками, свободный, чистый стихъ
Сіяетъ красотой среди вѣковъ сѣдыхъ;
Рукою хитрой въ немъ все такъ сцѣпленно ясно,

Что рѣчь шечешь съ умомъ и съ чувствами согласно.

„*Безъ истины въ стихѣ Пѣвецъ не веселитъ.* 1)
„*И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ.*
„*О чувствахъ къ родинѣ нельзя сказать сильнѣе:*
„*Что матушки Москвы и краше и милѣе!* 2)

Разборъ пріемлетъ кисть и судитъ красоты,
Находитъ шемные и яркіе цвѣшы.
3) *Тамъ водопадъ горы алмазной вихъ пріемлетъ,*
4) *Тамъ мѣдь клокочетъ, ржетъ, а* 5) *тамъ Пе-*
трополь дремлетъ.
Иль безъ заслугъ Ферситъ, вельможей призванъ
въ санъ,
6) *Ничто, какъ во златомъ окладѣ истуканъ.*

Едина критика хвалой Пѣвцовъ вѣнчаетъ,
И смѣло ихъ порокъ и доблесть различаетъ,
Винитъ, коль гдѣ падетъ высокой Музы духъ,
Коль разговоръ надутъ, или чрезмѣрно сухъ,
Коль нѣтъ огня въ стихахъ, коль узелъ слабъ завязки,
А вымыслъ не богатъ, мершвы, не свѣжи краски;

---

1) Смотри сочиненіе Ивана Ивановича Дмитріева: *Чужой толкъ.*
2) Его же. *Причудница.*
3) Г. Державина.
4) Г. Ломоносова.
5) Г. Державина.
6) Г. Петрова.

Винить, когда Пѣвецъ, разсудка не спросясь,
Не ясно думая, скрывать мысли связь;
Иль станетъ рисовать на переломъ природы
Румяными лѣса, коришневыми воды;
Или когда пѣвецъ, стремясь славы въ храмъ,
Ступаетъ тяжело по тернамъ, не цвѣтамъ.

Не оживленна мысль высокой Музы духомъ,
Не можетъ царствовать надъ разумомъ и слухомъ.
Всѣ рѣчи общія безъ чувства и огня,
Хоть гладко писаны, живутъ не долѣ дня.
Всѣ пышныя слова, по древности священны,
Пропитвны могутъ быть, не къ стати помѣщенны;
Ты мысли одѣвай приличной красотой;
Наборъ кичливыхъ словъ для слуха звукъ пустой.
Не сонмы громкихъ словъ хвалой Пѣвцовъ вѣнчаютъ;
По мысли сильныя отъ прочихъ отличаютъ.
Коль рѣчь твоя ясна, коль чувствомъ духъ пивой полнъ,
Дерзай средь грозныхъ бурь, не будешь жертвой волнъ.

Россійскихъ странъ Софоклъ, опасный врагъ пороковъ,
Театра нашего создатель Сумароковъ,
Взлелѣянъ славою и Музой обольщенъ,
Щитался, что онъ Расинъ и вмѣстѣ Лафонтенъ;

Но Критика всегда ядъ лесни отвергаетъ,
Согласно съ истинной хвалами награждаетъ;
Оставя чуждыя и пищепны имена
Любимцу Невскихъ Музъ сказала бы она:
Гремѣла на зарѣ твоя въ Россіи лира,
Оскольдъ и Роспиславъ и гордая Семира
Должны, плѣня умы, восхитить всѣ сердца
И славою вѣнчать безсмертнаго Пѣвца.
Пусть мнятъ, что Критика священный прахъ,
всшревожитъ,
Я мню, что блескъ она его даровъ умножитъ.

Коль основателенъ разборъ и справедливъ,
Чувствительный Пѣвецъ, хотябъ онъ былъ и
живъ,
Въ немъ торжество свое съ воспоргомъ дол-
женъ видѣть.
Иль Сумарокова возможно тѣмъ обидѣть,
Что обнаживъ его и даръ и красоты,
Ты скажешъ, какъ дѣлить отъ тернія цвѣты?

Не спорю, Критикомъ быть настоящимъ
трудно,
А на угадъ судить легко, но безразсудно;
Нелѣпыхъ много есть на свѣтѣ знатоковъ,
Чье право на Парнассъ, десятокъ острыхъ словъ.
Такіе знатоки Мидасовы потомки,
Привыкли на словахъ о всемъ давать судъ
громкій.
Сей судъ, благодаря проворнымъ языкамъ,

770991Л

Невѣжи, разнеся въ столицѣ по домамъ,
Безъ доказательства худое превозносятъ,
Безъ доказательства хорошее поносятъ;
А книга бѣдная, стѣсненна симъ судомъ,
На время долгое покрыта студомъ,
Отъ Невскихъ береговъ бѣжа поносной брани,
Летитъ на почтовыхъ до Вяпки и Казани.

Нѣтъ пользы никакой отъ ложнаго суда;
Родится отъ него бѣдъ множество всегда.
Есть женщины у насъ, которыя по Руски
Стыдяся знать, цѣнить умѣютъ по француз-
ски;
Толкуютъ, что Мольеръ, Корнелій нынѣ старъ,
Въ Волтерѣ менѣе, чемъ у Расина даръ;
Ошибки, красоты сочтутъ исправно, ясно;
Со вкусомъ, съ разумомъ, съ Лагарпами согласно;
О Рускомъ вопроси, не скажутъ ничего;
Пусть видѣли стихи соземца своего;
Но разсуждать о нихъ привычки не имѣютъ;
По чувству любятъ ихъ;—хвалить не разумѣютъ.

Лишь можетъ Критика, возвыся голосъ свой,
Назначить вѣсъ словамъ достойною цѣной,
И языка красы на судъ вѣковъ представить;
Подсолнечную всю имъ говорить заставить.
То Греки, Римляне являютъ ясно намъ.
Предводитъ критика Омировъ славы въ храмъ;
И мы подобнаго безсмертія достигнемъ,
Когда подробнѣе музъ въ таинство проникнемъ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03054 27

The KALMBACHER
BOOKBINDING CO.
CERTIFIED
LIBRARY BINDERY
TOLEDO, OHIO